

Владимир Горбачев

НЕФЕЛА

Облачная страна

16+

Владимир Горбачев
Нефела, Облачная страна

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Горбачев В. М.

Нефела, Облачная страна / В. М. Горбачев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Биолог Вакано создает технологию, позволяющую наделить человека новыми свойствами. Его эксперименты запрещены на Земле, поэтому он оборудует лабораторию на загадочной планете Нефела. Здесь он вынужден вступить в смертельную схватку с космическими пиратами, которые стремятся захватить новое изобретение, чтобы с его помощью создать армию монстров. Но огромные тучи Нефелы, наделенные жизнью, а возможно, и разумом, не терпят никаких схваток... Роман является первой частью дилогии, в которую входит также роман «Люди Края».

Содержание

Глава 1. Айсберг	6
Глава 2. Беглец	10
Глава 3. Погоня	15
Глава 4. Ущелье	18
Глава 5. Решение	24
Глава 6. Известие	29
Глава 7. Облачная страна	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

В оформлении обложки использована фотография с сайта <https://pixnio.com> по лицензии CC0 и фотография телескопа Хабл с сайта NASA https://www.nasa.gov/multimedia/imagegallery/image_feature_211.html

Глава 1. Айсберг

Никакой необходимости выходить на поверхность объекта у Калика не было. Оба вспомогательных двигателя, корректировавших курс ледяной глыбы, управлялись из жилого отсека, где он в данный момент находился. Оба находились в рабочем состоянии (он недавно проверял), связь с ними была устойчивой. Более того: выход на поверхность транспортируемого объекта был строго запрещен инструкцией и полетными правилами, и нарушение запрета грозило отстранением от полетов на срок до пяти лет. И если Калик хотел и дальше работать в Space Cargo International (а он хотел) и не намеревался менять профессию и уходить из космоса (а он не намеревался), то должен был выбросить из головы всю эту дурь о прогулках по айсбергу и тихо сидеть в отсеке, прокладывая курс и сосать лапу. Нарушить инструкцию было нельзя, скрыть нарушение – тем более (за этим следили регистраторы известные – вон он, глазок в углу кабины, и регистраторы скрытые, спрятанные среди прочей электроники), космос не терпел разгильдяйства (это было написано во всех учебниках), а потому – смотри выше. То есть сиди тихо.

Однако Норманн Калик не был в космосе зеленым новичком. Еще во время учебы полетал на линии Земля–Луна, потом год стажировался на марсианских чартерах, и вот теперь второй год работал на маршруте Европа–Марс. Случалось и устранять неполадки в оборудовании, и находить выход в разных нештатных ситуациях. И он знал, что регистраторы, даже те самые «черные ящики», или колдуны, как их называли между собой пилоты, можно обмануть. И он уже давно (месяца три, а может, четыре назад) пришел к выводу, что инструкции пишутся для людей туповатых и робких, таких, что за всю жизнь не сделают и шага в сторону. Себя Норманн к таким не относил.

Он вдруг ясно представил, как он спустя год, по окончании срока контракта, вернется на Землю, как встретится с Робертом, и Лопесом, со всеми друзьями, как увидится с Джулией, и станет рассказывать о своей работе – редкой, экзотической, а в глазах большинства даже героической работе, и как кто-то из них вдруг спросит: «Так что, выходит, ты ни разу и не ступил на поверхность такого айсберга? Не видел, как это все выглядит вблизи?» И как он начнет лепетать что-то жалкое про инструкции и запреты, про свирепое начальство... Нет, представлять такое не хотелось. Норманн понял, что он не простит себе, если не сделает хотя бы одного шага. Далеко он не пойдет – зачем? Но один-то шаг можно! Или несколько. Надо только сначала...

Он дал бортовому компьютеру задание провести профилактическую проверку систем, в том числе регистраторов, после чего в нужный момент ввел пару нужных команд. Все смешалось в извилинах электронного мозга, одни сигналы столкнулись с другими, прямо им противоречащими. Не терпящий противоречий искусственный разум сник, система зависла. Калику только это и было надо. Он на всякий случай проверил, отключились ли регистраторы (они отключились), после чего громко провозгласил: «Свободен, свободен наконец!», и стал собираться.

Хотя он и спешил, но делал все тщательно, стараясь ничего не забыть. Прежде чем надеть скафандр, закрепил ему на плечо дополнительную видеокамеру (штатная камера, вделанная в шлем, давала недостаточно четкое изображение), проверил давление в обоих баллонах. Влез в шелестящую оранжевую оболочку, щелкнул зажимами шлема, включил климатизатор и связь. Связь – это было главное. Теперь, даже если вдруг придет вызов с базы (вообще-то не должен прийти, там все строго по часам, но вдруг), он сможет ответить, как если бы сидел в отсеке, за пультом. Еще раз проверил работу всех систем, подачу кислорода, взял висевшее в углу помело (так на пилотском жаргоне называлось индивидуальное полетное устройство, ИПУ) и шагнул в тамбур.

Зеленый огонек на стекле шлема, в левом углу, подтверждал, что переборка жилого отсека закрыта герметично, путь наружу свободен. «Входная дверь», – негромко скомандовал, почти прошептал Калик, и чуткая автоматика тут же отозвалась. Наружная переборка раздвинулась, и Норманн шагнул на поверхность айсберга.

Шагнул – и окунулся в мрак. Под ногами и вокруг отсека тьма была непроглядная, сплошная, а над головой словно серебряной пылью посыпанная. Там была Кассиопея, и неистовый Денеб, и Арктур – в общем, весь звездный атлас. Граница между твердью, на которой стоял Калик, и условным небом айсберга находилась совсем рядом, примерно в сотне метров, и была хорошо видна, словно проведенная чем-то белым изломанная линия.

Он постоял немного, оглядываясь и запоминая первое впечатление, потом включил налобный фонарь. Мрак сразу исчез, лед в луче фонаре сверкал. Норманн проверил, работают ли обе видеокамеры, и двинулся вперед, к границе, за которой царил день.

Он старался двигаться как можно осторожнее, не делая резких движений. Тяготение на объекте было ничтожное, и, сделав энергичный шаг, можно было взлететь на несколько метров. Чуть позже Калик так и собирался сделать, но сейчас он хотел быстрее добраться до линии дня. Вообще он хотел увидеть как можно больше, снять как можно больше, а времени у него было не так много.

Месяцы работы в условиях слабого тяготения дали ему необходимый навык, он без задержек добрался до границы и, наконец, шагнул в день.

Перед ним до самого горизонта простиралась сверкающая горная страна, состоящая из хребтов, вершин и отдельных ровных участков между ними. Над хребтами чернело бездонное пространство, усеянное бисером звезд. Слева виднелось круглое пятно размером с детский кулачек. На Юпитере, откуда Калик начал свой путь, на Солнце можно было смотреть, не мигая. Здесь спустя несколько секунд взгляд все же приходилось отводить.

На дневной стороне поверхность айсберга не сверкала, не искрилась; она светилась ровным светом. Причина была у пилота под ногами, он ощущал ее подошвами ботинок. Большая часть айсберга, обращенная к Солнцу, была покрыта плотной светоотражающей пленкой. Это было сделано из понятных соображений: ни один грамм драгоценной влаги не должен был испариться во время транспортировки, вся вода должна была достаться одной из марсианских колоний. Лишь меньшая, ночная часть ледяной глыбы, на которой был расположен жилой отсек и, невидимые отсюда, два вспомогательных двигателя, оставались свободными от упаковки.

Калик плавно повернулся на месте, делая круговое видео, затем, как и планировал, оттолкнулся и взлетел над поверхностью объекта. Отсюда, с высоты пятнадцати метров, обе части айсберга были видны замечательно. Жаль, конечно, что нельзя будет выложить снятые кадры в сеть. Только друзьям показать, и то под большим секретом. Но, может, он это сделает позже, когда будет работать где-то в другом месте?

Да, а что это он все молчит? Пора записать первые впечатления, сделать, так сказать, письмо на память.

Он включил диктофон и уже сформулировал первую фразу «Я парю над своей планетой», и уже рот открыл, чтобы ее произнести, как вдруг его взгляд зафиксировал нечто необычное. Крохотная белая точка в созвездии Весов немного изменила свое положение. Часы, проведенные перед экранами, приучили глаза пилота автоматически отмечать подобные изменения. Вообще-то они не должны были происходить внезапно: им всегда предшествовало появление радиосигналов с проходящего неподалеку корабля (а движущаяся точка могла быть только кораблем, или зондом, или таким вот объектом, как его айсберг). Однако сейчас никаких сигналов он не получал. Может, связь барахлит? Он скосил глаза на индикатор внизу шлема. Нет, вот он, зеленый огонек, исправно светится. Что ж, сейчас он покажет этим грубиянам, научит их уважать пилотские традиции, а также правила Кодекса – да-да, Кодекса!

Калик одним движением пальца по шлему диктофон выключил, передатчик включил, и уже снова открыл рот, чтобы высказать в пространство пару хороших фраз, таких пилотских оплеух – как вдруг снова застыл с открытым ртом, как минуту назад. Что-то ему мешало излить на грубиянов свой праведный гнев, что-то связывало язык. Да что же такое? Он что, зеленый стажер, что слово боится сказать? Он откашлялся, вновь приготовился вызвать неизвестный борт – и тут внезапно понял, что именно его остановило.

Незнакомый корабль не просто проходил рядом с объектом – он приближался. Будь Калик у себя в рубке, он бы сразу это установил по показаниям приборов; но и сейчас, простым глазом, он отметил, что светящееся пятнышко увеличилось. Незнакомый корабль приближался, больше того – он шел напрямик к айсбергу на полной тяге.

Норманн Калик почувствовал себя неудобно. Ему вдруг вспомнились истории, слышанные на станциях, на лунных и марсианских базах, там и сям, – жуткие истории о быстроходных корветах без опознавательных знаков, о таком удивительном явлении, как космический абордаж, о взорванных входных люках, о захваченных судах и грузах – и о телах, о телах людей в изрешеченных пулями скафандрах, или вообще без скафандров, превратившихся в ледяные глыбы, летящие среди звезд... Он сопоставил эти рассказы с внезапным появлением незнакомого корабля, с его странным молчанием, и в его сердце проникла тревога. Айсберг, который он вел на Марс, эта гигантская глыба чистой воды, была хорошей добычей для бандитов. Он не знал в точности, сколько объект стоит, но знал размер страховки – своими глазами видел документ, в котором значилось число с десятью нулями.

Калик глянул вниз. До поверхности айсберга оставалось метра четыре, не больше; он опускался. Скорее бы! Конечно, это могут быть вовсе не пираты. И даже наверняка не пираты; просто какой-то корабль компании пролетал мимо, обычный корабль, и инспектор решил... А что сигналов не подают, так это они хотят его врасплох застать – не спит ли на дежурстве, или не бродит ли по тропам чужих миров, сражаясь с чудовищами в новой видеоигре. Да, это просто рутинная проверка; не нужно паниковать. Скорее вернуться в отсек, спрятать скафандр, и уже оттуда, из рабочего кресла, послать гостям сигнал вызова...

Но, думая так, он уже понимал, что и оттуда, из рубки, не пошлет никакого вызова. Потому что не бывает таких проверок, и инспектор, какой бы он не был вредный, так себя не ведет. А значит... А значит, вопрос стоит так: надо ли вообще возвращаться в отсек? Можно ли? Но если не в отсек – то куда? И еще – заметили ОНИ его, или нет?

В эту секунду (до поверхности оставалось совсем немного) его приемное устройство вдруг ожило.

– Не сиропь, Деготь, скачь по-скорому, через минуту стоимся, – услышал Калик гнусавый, какой-то противный голос, жующий концы слов. – И топку гаши, слышь, топку гаши по сигналу, а то все баксы на хрен утекут.

– Я гашу, не толочь, – отозвался другой голос, низкий, как из бочки. – Скажи ребятам, пусть берут дудки, в гости к пресному пойдем.

– Ага, повеселим парнишку, а то закис небось на ледышке, – согласился гнусавый, и оба разразились жуткими звуками, в которых ухо пилота не сразу признало смех.

Сердце Норманна Калика сжалось от ужаса. Дело было не в том, что экипаж чужого корабля разговаривал на бандитском жаргоне, и, стало быть, всякие сомнения относительно их статуса отпадали. Сами их голоса, столь искаженные, что казались взятыми откуда-то из ужастиков – эти голоса напомнили Калику еще одну часть слышанных им историй. В этих историях говорилось о странных людях, обладающих необычными, не присущими человеку свойствами. Например, он слышал о людях, способных долгое время обходиться без кислорода. Видеть в темноте. Выдержать смертельное для нормального человека ускорение. О людях, которые могут думать и двигаться в три раза быстрее, в пять раз быстрее обычного человека. Таких людей называли *improved*, или сокращенно «пруви», «улучшенные». Их выводили – так

слышал Калик – в нескольких подпольных лабораториях, расположенных неизвестно где, возможно, даже в Дальнем космосе. Лаборатории были подпольными, поскольку создание пружи было строго запрещено. И не только создание пружи, но и вообще все опыты в данной области. И Совбез запретил, и научное сообщество осудило. Опыты были запрещены, потому что в ходе биотехнологического перерождения пружи получали новые привлекательные свойства, но при этом теряли человеческий облик, нормальный голос, обычные человеческие чувства. По сути, в них вообще не оставалось ничего человеческого. Из них получались самые жестокие вожаки пиратских шаек; они не щадили никого.

Правда, у пружи имелось свое слабое место: жили они недолго. Официально ничего не было известно, но люди, интересовавшиеся этим вопросом, говорили, что «улучшенные» живут в среднем года три-четыре, после чего внезапно умирают от какого-нибудь недуга, с которым медицина вообще-то научилась успешно бороться: нарушения мозгового кровообращения, или рака, или инфаркта. Эта высокая смертность «улучшенных», их уязвимость также были аргументом для прекращения экспериментов в этой области. Хотя обычные люди, и Калик относился к их числу, смотрели на это дело иначе. Они считали, что быстрой кончине пружи можно только радоваться; походило на то, что сама природа ставила преграду новой породе двуногих хищников.

Похоже было на то, что в гости к Калику пожаловали именно «улучшенные». И умирать в ближайшее время они вроде не собирались – наоборот, смерть грозила самому Норманну.

Ноги пилота наконец коснулись поверхности айсберга, и неровности поверхности скрыли от него приближающийся корабль. Теперь с корабля его не могли увидеть. Кажется, его не заметили. Значит, у него есть несколько минут для того, чтобы обдумать свое положение и составить план действий. Связаться с базой он не может – передатчик скафандра на это не рассчитан; помешать их высадке тоже не в его силах... Да ведь они и не будут садиться – при этом неминуемо будет уничтожена часть драгоценной влаги. Зависнут на малой высоте и вышлют группу захвата на помелах. Группа обнаружит пустой отсек; они поймут, что пилот вышел, что он где-то рядом... Станут искать – и обязательно найдут. Что же делать, что делать?

И вдруг он вспомнил. Выход был! В кабине второго вспомогательного двигателя имелся аварийный набор: два баллона с кислородом, сухой паек, ракетница с запасом патронов, рация и комплект препаратов для погружения в анабиоз. Создавая этот набор, стратеги Компании хотели предусмотреть все варианты; скажем, такой, при котором жилой отсек получал неустрашимые повреждения (в результате пожара, потопа, удара – неважно), но пилот оставался жив. В таком случае он мог добраться до второго вспомогательного, послать на базу сигнал бедствия и до прибытия помощи ввести себя в анабиоз. Этот план был включен в инструкции, его сдавали на экзаменах. Сколько шуток было по этому поводу! Сейчас Калик был готов расцеловать того неизвестного ему дядьку, который запланировал этот «ужин перед спячкой». Он собирался поступить точно по инструкции: послать сигнал, а затем уйти в анабиоз. Но, конечно, не там, где предусматривали разработчики, не в капсуле двигателя. Там его найдут уже через час. Нет, он поступит иначе...

Норманн Калик определил нужное направление и отправился в путь.

Глава 2. Беглец

Час был ранний, неурочный. Солнце только собиралось вставать, небо над океаном было окрашено в нежный лимонный цвет. Деревья в институтском парке окутывал туман; птицы просыпались в ветвях и робко пробовали голоса. И, разумеется, ни у входа, ни в коридорах сейчас нельзя было встретить ни одного сотрудника. Это и требовалось! На это он и рассчитывал! Петр Вакано глубоко вдохнул бодрящий утренний воздух и решительно зашагал к входу в институт.

Петр Вакано был молод (весной 32 исполнилось), он был самым молодым руководителем лаборатории не только в институте, но и во всей Океании. Он был высокий блондин довольно приятной наружности; изучение имевшихся фотографий говорило, что это у него от матери Марины, русской с примесью финской крови, носившей в девичестве фамилию Зыкова. Кажется, от матери он унаследовал также мечтательность и любовь к животным – почти на всех снимках Марина Зыкова была запечатлена в обнимку с лайкой, или таксой, или с огромным рыжим котом. Впрочем, все это были одни догадки: сам Петр матери почти не помнил, она умерла рано, ему еще пяти не исполнилось. О причинах ее смерти отец не любил говорить, знакомые тоже помалкивали, и у Петра сложилось впечатление, что тут скрывалось нечто нехорошее: алкоголь, наркотики или что-то в этом роде.

От отца-серба Петр унаследовал энергию, силу воли и талант. Да, талант определенно шел от отца – ведь Милан Ваканович был успешным бизнесменом, у него имелось несколько компаний, собственный банк, яхта. Дела мешали ему заниматься воспитанием сына, и Петр находился сначала в частной школе, потом в колледже, потом в университетском кампусе... Возможно, недостаток родительской любви (да что недостаток – полное отсутствие такой любви, вот как это называется!) помешали ему обрести достаточную уверенность в себе; он был не слишком удачлив в любовных делах. В работе, в научных делах ему сопутствовала удача, а с женщинами – нет. Вот и союз с Кэтрин, на который он возлагал определенные надежды, распался, не продержавшись и года. Проблема была еще в том, что Петру, с его мягкостью, некоторой робостью и увлечением работой, нравились девушки совсем другого склада – веселые, энергичные брюнетки, с короткой стрижкой, озорным взглядом, любящие танцевать, ходить на вечеринки, неутомимые в любви. Вызвать ответное чувство в подобной девушке ему никак не удавалось; познакомившись с молодым одаренным биологом, лауреатом десятка премий и профессором (что ж, это мило), проведя с ним день-другой и поцеловав в начинающий лысеть высокий лоб, очаровательное создание удалялось, оставляя в душе покинутого горький осадок. Говоря языком астронавтов, их стыковка не была прочной.

Впрочем, в настоящий момент все это было совершенно неважно. В настоящий момент никакой неуверенности, или робости он не испытывал. Он чувствовал в себе решимость и злость. Эти новые для Петра чувства владели им со вчерашнего дня, после разговора с директором института. О, эта беседа! Стоило ему вспомнить некоторые фразы директора, выражение ее лица, как в нем закипала самая настоящая ярость. А ведь он спешил в кабинет директора, полный надежд! В ожидании похвалы! Это и было самое ужасное – внезапное крушение всех планов.

А похвалы, кстати, прозвучали. Когда Петр явился к Луизе Сонг и сообщил о результатах серии контрольных опытов, он услышал такие слова, как «выдающееся открытие», «потрясающие результаты», и другие, столь же лестные. Хотя иного трудно было ожидать. Ведь доктор Вакано сообщил директору о том, что ему удалось наконец то, что не удавалось еще никому на планете; что он проделал работу, которую признали невыполнимой признанные авторитеты как в области медицины, так и биологии. А именно, он сообщил, что ему удалось создать искусственную плазму крови с заданными свойствами. Это выводило биотехнологию (а Вакано

считал себя в первую очередь биотехнологом) на совершенно новый уровень. Это открывало путь к полной победе над самыми опасными, самыми неизлечимыми заболеваниями. К исправлению врожденных уродств. К регенерации утраченных органов. (Больше никаких протезов! Никаких искусственных рук, ног и глаз. Все свое!). А главное – это открывало дорогу к формированию живых существ с совершенно новыми возможностями. Вначале, конечно, животных, и тут примером мог служить его Гром. А потом, возможно, и человека. Не каких-то слепленых кое-как, неизвестно где, шарлатанским образом прувви, а полноценных, сохранивших все социальные связи людей, обладающих целым спектром новых уникальных способностей. Людей, которые могут видеть на расстоянии сотен и даже тысяч километров, дышать под водой, использовать для питания небелковую пищу...

Все это доктор Вакано и изложил своему директору. А затем представил план работы своей лаборатории на ближайшие десять лет. В этом плане чуть не каждый год на выходе значились эпохальные, совершенно невероятные результаты. И что он услышал в ответ? «Боюсь, что вы слишком спешите, доктор», – вот что он услышал. «Вы знаете, я человек широких взглядов, толерантный человек, но утвердить такое направление исследований я никак не могу. Как вы вообще могли подумать, что это может быть включено в план института? Разве вы не слышали о новых нападениях пиратов-пруви на корабли? О жуткой трагедии на Фобосе? О пропаже корвета сил галактической безопасности? И вы хотите, чтобы в такой момент мы открыли фабрику по выпуску новых монстров? Да, конечно, я слышала ваши аргументы, что вы собираетесь двигаться постепенно, что ваши... э-э-э... пациенты сохранят все человеческие черты, но кто может это гарантировать? Я согласна с тем, что ваши... выпускники будут более совершенными, чем обычные прувви – но не значит ли это, что они будут еще более чудовищными? Ваши планы угрожают упорядоченному развитию общества! Животные? Да, и животные тоже угрожают! Даже в большей степени! Вы собираетесь разрушить грань между человеком и животным, между добром и злом, если хотите! Я этого никак не могу позволить, никак! И не только я – ни один руководитель научного учреждения на Земле вам этого не разрешит. А если какой-то безумец и разрешит, то все равно такие исследования будут остановлены по решению правительства, или Совета безопасности; под давлением общественного мнения, в конце концов! И потом, не забудьте, доктор – все ваши открытия сделаны здесь, в институте, в рамках договора, заключенного с нашей администрацией. И мы имеем право остановить эти исследования, даже если вы попытаетесь продолжить их в другом месте. Опыты с «улучшением» животных должны быть прекращены немедленно. Даже то, что вы уже сделали, этот ваш Гром – даже это вызывает оторопь. От меня уже требовали проявить твердость и усыпить эту тварь. Я понимаю, вы привязаны к собаке; ладно, пусть Гром останется, но создать новых монстров я не позволю...»

Да, именно так она и сказала: «Я не позволю». И он понял, что это окончательный ответ. Он тогда не стал горячиться, спорить, заявлять протест. Он просто ушел и стал думать. Он думал всю ночь. Строил один план, другой, третий... И наконец, уже к утру, принял окончательное решение.

...Дверь института при его приближении услужливо распахнулась.

– Доброе утро, доктор Вакано! – пророкотал низкий голос дежурного робота. Увидеть дежурного как нечто целое было нельзя: электронный мозг располагался где-то в вычислительном центре, глаза смотрели на входившего с потолка и стен, а руками служили разного рода отпирающие и запирающие устройства.

– Вы сегодня рано! – продолжал голос. – Спешите продолжить работу?

– Да, Джон, спешу, – ответил ранний посетитель.

– Хочу предупредить, сэр, – произнес голос, когда ученый уже подходил к лифту. – Вчера вечером – точнее, в 23 часа 57 минут – госпожа Сонг выпустила распоряжение, согласно кото-

рому вам запрещается выгуливать ваших питомцев в парке. Разрешены только прогулки во внутреннем дворике.

– Вот как? – произнес Вакано, стараясь, чтобы его голос звучал как можно равнодушной. – Что ж, директору института виднее, как строить внутренний распорядок.

– Совершенно верно, сэр! – отозвался голос. – Успешной вам работы!

Ответом дежурному была улыбка, несколько кривая. Она держалась на лице Петра Вакано до того момента, пока не сошлись дверцы лифта. После этого доктор уже не улыбался. Более того – он позволил себе несколько крайне резких высказываний как о самой госпоже Сонг, так и о ее родителях, а также о ее заместителях на посту директора профессоре Варанаси и докторе Хойле. Черт возьми, этот запрет ломал весь его план! Проклятая дама широких взглядов, эта толерантная женщина, как видно, догадалась о его намерениях. И решила им помешать. Она не даст ему вывести из института Грома; а если он бежит и начнет работу в другом центре – скажем, в Сиднее, или Нагасаки – она и там будет ему мешать. Но он не сдастся, не сдастся! В конце концов, кроме Земли, есть другие места, где живут и работают люди. И можно создать собственный центр, в котором никто не будет его контролировать. Деньги можно попросить у отца. Должен же он хоть когда-то, хоть в чем-то помочь сыну! Все это можно обдумать потом. Но бежать надо сегодня, сегодня обязательно; завтра они перекроют все лазейки. И лазейки перекроют, и Грома могут убить. Да, вполне могут. Вызовут его, Вакано, на какое-нибудь дурацкое совещание, а в это время... Нет, надо действовать сейчас, нельзя терять ни минуты!

Доктор чиркнул пропуском по считывающему устройству и вошел в лабораторию. Все здесь было ему родное, все было сделано по его заказу, или его руками, все приспособлено для работы. И все это придется бросить. Ну, что тут горевать; с этим ничего не поделаешь.

А где Гром? Почему не встречает своего хозяина и друга? Почему эта здоровенная черная псина, эта лукавая морда, исполненная собачьего достоинства, не стучит по полу крепким, как палка, хвостом, не заглядывает в глаза? Не кладет лапы ему на плечи? Правда, Гром уже больше месяца, с тех пор, как была введена первая порция плазмы и началась перестройка его организма, не делает многого, что делает любая собака. Но у входа он Петра всегда встречал.

Вакано глянул влево, вправо – и увидел. Гром сидел на столе, придвинутом к окну, и смотрел в окно. Там был парк, а дальше океан, и рассвет над океаном.

– Любуешься? – спросил Вакано. Просто так спросил, не ожидая ответа – пес пока усвоил всего четыре десятка слов, и не мог оперировать сложными понятиями, означающими предпочтение или модальность. Однако Гром, к его удивлению, повернул голову, сдвинул назад нижнюю челюсть, освобождая место для языка, и отрывисто произнес:

– Смотреть хорошо. Нравится. Как пища. Пища для глаз.

Произнеся этот монолог и заметив, что произвел впечатление, пес расслабил челюстные мышцы и наконец позволил себе несколько движений, привычных для обычной собаки: постучал по полу хвостом, склонил голову набок и заглянул хозяину в глаза.

– Ну, ты молодец! – сказал доктор. – Ты даешь! «Нравится!» Уже знаешь, что значит нравится? А гулять нравится?

Гром ответил не сразу. С минуту, наверно, смотрел в пол, размышляя, потом произнес:

– Нравится. А также. Необходимо. Потребность. Облегчиться. И дышать. Все вместе. Очень нужно.

Вакано слушал, не веря своим ушам. Какое продвижение! Явные начатки логического мышления! Определение понятий! Он будто своими глазами видел, как в мозгу пса выстраиваются нейронные связи, как проходят все новые сигналы... Просто руки чесались все это внимательнейшим образом изучить, обдумать – и двигаться дальше. Но времени не было.

– Сейчас пойдем, – сказал он Грому. – Потерпи еще пять минут, ладно? Мне надо собраться. Потерпишь?

Пес скривился, но промолчал, и Вакано начал собираться. Собственно, все нужное – флешки, образцы плазмы – было уложено еще вчера. Сборы состояли в уничтожении полученных результатов. Он стирал файлы, выливал в раковину образцы. Закончив, в последний раз окинул взглядом лабораторию. Правильнее всего было бы все это сжечь. Но тогда бы сработала сигнализация, поднялась тревога... А главное – это было противно его характеру. Нет, он не поджигатель.

– Идем! – бросил он псу.

Когда вышли в коридор, Гром по привычке повернул направо, где был выход в парк, но Вакано окликнул его.

– Сегодня идем во двор, – объяснил он. – В парк нельзя.

И Гром снова его удивил. До этого он никогда не говорил на ходу: речь требовала усилий, и псу надо было остановиться. Но сейчас он догнал Вакано и, идя рядом с ним, напряг горло, помотал немного башкой, словно примериваясь, и произнес:

– Зачем нельзя?

Это был еще один прорыв, еще открытие, но удивляться было некогда, и Вакано так же, на ходу, ответил:

– Так нельзя говорить. «Зачем» – это о цели. Когда что-то хочешь, тогда «зачем». А «нельзя» – это почему.

Пес не ответил, и это было понятно – все же не человек. Они в молчании спустились по пандусу и вышли во дворик. Это был довольно уютный, можно сказать, милый уголок с несколькими буками и белой сосной, цветниками, газонами и альпийской горкой; Вакано иногда любил отдыхать здесь. Но сейчас дворик являлся для них тюрьмой, и доктор смотрел на него, как на тюрьму. Бежать! Но как? Через оба входа, главный и запасной, его с Громом не выпустят, выход в парк тоже закрыт... Может, выбить окно в коридоре первого этажа? Но он не был уверен, что это удастся – там наверняка не простое стекло. И потом, сразу поступит сигнал в полицию, за ними будет организована погоня. Нет, весь расчет был на то, чтобы уйти тихо, не привлекая внимания, и успеть добраться до космопорта в Сиднее раньше, чем руководство института объявит доктора Вакано в международный розыск. А если он уйдет тихо, без взрывов и битья окон, какие будут основания объявлять его в розыск? Никаких оснований. Но как же, как?

– Ты не собирать. Почему? – услышал он знакомый хриплый голос.

Действительно, Гром сделал свое дело, а хозяин не спешил с совком и пакетом, чтобы прибрать за ним. Да он и не взял на этот раз ни совка, ни пакета.

– Не до этого, – объяснил Вакано. – Понимаешь, нам нужно... Мы должны уйти. Бежать.

– Да, я знаю, – сказал пес. – Толстяк приходил. И главная женщина. Говорили, что надо. Чтобы я исчез. От них шла угроза. Тянуло, как ветер.

Петр слушал, пораженный. Спросил:

– Значит, профессор Варанаси и госпожа Сонг приходили в лабораторию? Когда?

– Вчера. Поздно. Ты ушел.

– И они говорили о тебе?

– Обо мне. Но о тебе больше. Большая угроза. Я хотел спрятаться.

Значит, он был прав в своих подозрениях! И сегодняшнее утро дает ему последний шанс. Но...

– Ты говорил, надо бежать, – снова заговорил пес. – Тогда почему мы здесь? Почему не бежать?

– Нам запретили выходить в парк. Мы можем гулять только здесь. А отсюда нет выхода. Я не знаю, как бежать.

– Это преграда. Думать, – сказал Гром.

Он лег на брюхо, голову поднял, повернул чуть в сторону – словно прислушивался – и так застыл. Вакано несколько секунд смотрел на него, потом опомнился: он что, всерьез надеется, что пес найдет решение? Подскажет, как действовать? Нет, надо думать самому. Вариантов, в общем, немного. Или вывести из строя дежурного, чтобы тот не мог перекрыть центральный выход, или все-таки разить стекло в коридоре. И в том, и в другом случае ему нужно что-то...

Еще не зная, на каком варианте остановится, он направился к горке и выбрал камень подходящего размера. Ну... И тут Гром снова заговорил.

– Когда огонь – тогда тревога? Так правильно? – произнес он.

Вакано понял его не сразу. Поняв, кивнул. Но он все еще не знал, куда пес клонит.

– Когда тревога – двери открыты? – продолжал Гром. – Так верно?

Теперь доктор понял.

– Ты гений! – заявил он. – Значит, все-таки пожар! Короткое замыкание...

Мысль о зажигалке и тем более о спичках не могла прийти ему в голову – ими не пользовались уже полвека.

Вначале он думал вернуться в лабораторию и устроить замыкание там. Но когда они пересекали холл второго этажа, в глаза доктору бросился стоящий там монитор. Рядом, как нарочно, лежала на стуле стопка бумаги – видно, кто-то забыл текст реферата. Этого было достаточно. Петр рванул провод, зубами отодрал изоляцию. Ага, вот и розетка. Теперь закоротить... Спустя секунду провод в его руках задымился, розетка вспыхнула, от нее загорелась и сложенная рядом бумага. По всему зданию завывли сирены, замигали лампы аварийной сигнализации. А рабочая сигнализация, наоборот, отключилась, как и ток во всей сети. Это им и требовалось. Когда они выбежали в вестибюль, дверь была услужливо распахнута, а дежурный Джон молчал – ни «здравствуй», ни «до свидания». Даже через парк не надо было идти – прямо по главной аллее, к стоянке флаеров.

Глава 3. Погоня

– Здравствуйте, лейтенант! Как вахта?

– Здравствуйте, господин полковник! Вахта без происшествий, – ответил Жан-Лу, искоса взглянув на командира крейсера. Отдавать честь, вставать по стойке «смирно», или каким-то иным образом приветствовать старших по званию в космофлоте не было принято; к тому же Жан-Лу, будучи вахтенным, не должен был отвлекаться от своего основного занятия – слежения за экранами радаров, как ближних, так и дальних. Хотя, если бы обычай был иным, лейтенант Путро с удовольствием приветствовал бы своего командира. Он уважал полковника Вильеду. За два года совместной службы он успел неплохо изучить командира; и чем лучше он его узнавал, тем больше росло его уважение.

Про полковника Ронни Ахмета Вильеду рассказывали такую историю. Шесть лет назад, когда полковник только что получил под свое командование фрегат «Гагарин», командование задумало провести внезапную проверку боеготовности корабля, несшего вахту в поясе астероидов – самом пиратском уголке Системы. Однажды команда фрегата проснулась по сигналу «тревога». Вахтенный сообщил, что к кораблю с двух сторон приближаются быстроходные боты, которые не несут опознавательных знаков и не отвечают на вызовы; видимо, речь идет о попытке пиратов захватить боевой корабль. Спустя минуту по кораблю замечались полуодетые люди, спешащие на свои посты. А еще спустя минуту в рубку вошел командир фрегата. Он был в мундире, при галстуке, гладко выбрит и от него пахло хорошим одеколоном. И он имел готовый план отражения атаки, который тут же начал приводить в действие.

Атака, оказавшаяся учебной, была успешно отражена, грамотные действия командира фрегата были отмечены в приказе, и вскоре он получил назначение на «Нансен». А по флоту пошла гулять байка, что полковник Вильеда всегда спит одетым, выбритым и с готовым планом действий на все случаи жизни; единственное, что ему остается сделать в случае тревоги – это протереть лицо одеколоном.

– Ну, что наш транспорт? – спросил полковник, садясь в свое кресло и осматривая экраны. – Появился уже? В каком он сейчас квадрате?

Лейтенант покачал головой:

– Нет, господин полковник, айсберга нет. Я его все время ждал, глаз не спускал с квадрата G. Но там пусто. Странно это, правда?

– Странно, лейтенант, очень странно. Неужели мы ошиблись, и они погнали айсберг не на Марс? Но куда в таком случае? На какой-нибудь карлик? Но тамошние аборигены берут воду с Цереры. Не на Луну же! Это была бы большая наглость с их стороны. Однако проверим...

И командир включил передатчик и связался с вахтенным «Веллингтона» – крейсера, дежурившего на околоземной орбите. А потом переговорил с двумя кораблями, несшими вахту вблизи Цереры и Паллады. И везде он слышал тот же ответ: объект 117, ледышка, заключающая в себе свыше двенадцати миллиардов тонн драгоценной влаги, предположительно захваченная пиратами, в зоне их ответственности не появлялась.

Пока командир вел переговоры, лейтенант обдумывал ситуацию. Третий день «Нансен» нес вахту в том районе пространства, через который должен был пройти захваченный пиратами айсберг. Куда тот мог подеваться? Если бы речь шла об обычной пиратской добыче – грузе молибдена, вольфрама, олова – задача полиции значительно усложнялась. Грабители могли пришвартовать захваченный корабль к любому астероиду, а затем вывозить добычу частями в разных направлениях. Иногда что-то удавалось вернуть, но все – крайне редко. Но такую глыбу, как объект 117, не скроешь, да и заказчиков на большой объем воды не так много. Нападения на транспортируемые по Системе айсберги уже случались. Обычно в таких случаях пираты спешили доставить груз на тот же Марс, поселения которого испытывали все возраставшую

потребность в чистой (не то что местная) воде. Только продавали свою добычу не в Марсе-Сити, а в далеких поселках, вроде Чарлитауна или Нанкин-Топ. Поэтому, когда с объекта 117 пришел сигнал тревоги, «Нансен» и был отправлен на перехват. Однако план не срабатывал, хищник в капкан не шел. Где же они, где?

Лейтенант окинул взглядом весь обзорный экран. У него возникла мысль – странная мысль, невозможная. Он не готов был ее высказать, но почему бы не проверить? Просто проверить – а вдруг?

Он переключил радар на самый дальний квадрат, для наблюдения за которым мощности передатчика едва хватало. Квадрат располагался вне зоны их ответственности; там не было ни баз, ни астероидов, и пиратам, угнавшим айсберг, совершенно нечего было там делать. Правда, в том квадрате, на самой границе Системы, находилось Нечто; некий предмет, привлекавший всеобщее внимание; и лейтенант Путро вдруг подумал...

Слыша за спиной голос Вильеды, говорившего: «Это точно? Посмотрите еще разок, пожалуйста... Хорошо, спасибо, я понял...», лейтенант повел радаром по избранному им квадрату. Ничего... и здесь пусто... А это что? На экране возник сигнал – слабый, еле различимый, его можно было принять за помехи при приеме. Но это были не помехи. Лейтенант до предела увеличил мощность импульса. Да, никаких сомнений: радар зафиксировал какой-то движущийся объект; и этот объект не подавал навигационных сигналов.

– Господин полковник, взгляните-ка на это! – сказал Жан-Лу, не оборачиваясь.

Послышался шорох направляющих, кресло Вильеды встало рядом с креслом вахтенного, и голос полковника произнес:

– О дьявол! Это они! Выходит, они идут к Воротам! Неужели они собираются...

И, не закончив фразу, командир корабля включил селектор внутренней связи и отдал команду:

– Внимание, экипаж! Общий подъем! Штурман и атомщик в рубку!

И, не дожидаясь прихода подчиненных, сам стал вводить в главный компьютер задание по расчету курса.

Спустя несколько минут «Нансен» полным ходом шел в направлении квадрата Q, стремясь опередить пиратов, захвативших айсберг, и не дать им пройти в Ворота – что они, как видно, собирались сделать. Правда, расстояние было приличное, почти 0,1 а.е.; из расчетов следовало, что крейсер, скорее всего, не успеет. Поэтому всем патрульным кораблям, которые могли находиться поблизости, была послана радиограмма с призывом оказать содействие в перехвате. Немного спустя пришел ответ от командира бота «Дерзкий». Он извещал, что находится в полумиллионе километров от Ворот и сопровождает к ним караван грузовых судов; готов бросить караван и последовать к цели с максимальным ускорением, если только полковник Вильеда подтвердит необходимость такого шага.

Жан-Лу, слышавший эти переговоры (его вахта закончилась, но он оставался в рубке как главный системщик корабля), подумал, что не хотел бы сейчас оказаться на месте командира. Что ответить капитану бота? Подтвердить приказ следовать к Воротам, оставив караван без сопровождения? А если с транспортом что-то случится, кто будет отвечать? А если они с капитаном ошиблись, и это вовсе не пираты?

«Я бы, наверно, голову себе сломал, прежде чем решить», – думал лейтенант. Однако Ронни Вильеда колебался всего несколько секунд.

– «Дерзкий», даю подтверждение на преследование объекта в квадрате Q, – произнес он. – Повторяю: даю подтверждение...

Спустя минуту крохотная точка, видневшаяся на боковом экране в квадрате E, резко ускорила свое движение.

– Ну-ну... – сказал Вильеда. После чего вновь склонился к интеркому и произнес:

– Внимание, экипаж! Всем занять аварийные кресла. Повторяю: занять аварийные кресла. Даю максимальное ускорение.

Повернувшись к главному инженеру, спросил:

– Как считаете, 22g корабль выдержит?

– Выдержать-то выдержит, но могут возникнуть проблемы, – был ответ. – Я бы советовал ограничиться пятнадцатью.

– Мы все же попробуем, – решил Вильеда. – Шульц здесь?

– Да, господин полковник, – отозвался навигатор, сидевший в дальнем конце рубки.

– Скажите, были случаи прохождения Ворот объектами размером с нашу ледышку?

– Я правильно помню, что в поперечнике айсберг имеет восемь километров?

– Да.

– В таком случае ответ отрицательный. Объекты размером более километра не проходили ни в одни Ворота.

– Ну-ну, – повторил полковник. – Эксперимент, значит. Ладно, посмотрим. Давайте ускорение.

Жан-Лу поспешно откинулся в кресле, включил подувы сиденья, шелкнул пряжками. Сейчас навалится тяжесть, при которой и пальцем нельзя будет пошевелить; даже мысли будут едва течь, словно и на них действует многократное ускорение. Но пока возросшая нагрузка не залила голову свинцом, он думал о врагах – о пиратах, захвативших айсберг. Храбрые, однако, ребята! Отвратительно жестокие, наглые, злые – но при этом какие смельчаки! Ввести огромную глыбу льда – по сути, целый астероид, – внутрь такого загадочного объекта, как Ворота. Ведь о них, по сути, ничего толком не известно – являются ли они порождением природы, частью Вселенной, как какие-нибудь черные дыры, или созданы чьими-то руками – чьими? Как они действуют, какую энергию используют? И еще вопросы – множество вопросов. Человечество так и не смогло полностью объяснить странный феномен, обнаруженный семьдесят лет назад. Объяснить не объяснило, но использует вовсю. Впрочем, так часто бывает.

Первые Ворота были найдены в 114-м году в поясе Койпера, вблизи планетоида K789. Благодаря отчаянной (может, даже безрассудной) храбрости пилота, который ввел свой бот внутрь неизвестного объекта, выяснилось, что Ворота осуществляют мгновенную переброску кораблей в удаленную точку пространства, то есть пресловутую нуль-транспортировку. Первые Ворота выводили в систему Проциона, за 11 световых лет от Системы. С тех пор были открыты еще 18 Ворот, выводящих в самые разные точки пространства; самая удаленная находилась в пятистах световых годах отсюда. В этих удаленных точках, в свою очередь, были обнаружены планеты; большинство, как водится, газовые гиганты, но часть – земного типа. Последние тридцать лет происходило их активное освоение. Эти новые планеты, раскинутые в разных частях Млечного Пути, получили общее название Край. Арес, Крон, Семела, Никта, Нефела, Геката, Сирена, Гей-2 – эти названия для многих звучали как музыка. Для людей с горячей кровью, людей смелых, которым тесно было не только на старушке Земле, но даже и в Системе. Эти люди устремлялись к Воротам, поселялись на одной из вновь открытых планет и энергично принимались ее осваивать. Им требовалось все то же, что и обитателям Марса, Европы и астероидов – одежда, оборудование, пища... Вода? Вот о поставках воды в Край Жан-Лу пока слышать не приходилось. Но ведь он не специалист. Значит, кому-то потребовалась и вода. Причем много воды, целый айсберг. Интересно, кому?

Глава 4. Ущелье

Почти полгода прошло с тех пор, как Петр Вакано и его друг Гром обосновались на Южном полушарии Марса, в свободном поселении Ущелье. Название поселка объяснялось его расположением, и делалось понятным всякому, кто подъезжал к нему с севера, со стороны равнины. Вначале над бурными холмами возникали черные вершины хребта. По мере приближения они вырастали, становились видны отдельные скалы. А затем открывалось и ущелье, уходившее в глубину хребта, и в нем – разноцветные купола поселка.

Поселение Ущелье было основано двадцать два года назад. В настоящее время в нем обитали полторы тысячи человек. Большая часть людей работала на шахтах – добывала руду, содержащую вольфрам. Другие трудились на обогатительном комбинате, где руду превращали в металл, который затем отправляли на Землю. Кто-то был занят на плантациях, на станциях синтеза и очистки. В общем, здесь жил честный трудолюбивый народ. Жители Ущелья хорошо зарабатывали на продаже вольфрама; они ни в чем особенно не нуждались и не занимались такими незаконными делами, как продажа оружия, наркотиков или оснащение пиратских кораблей.

Однако здешние жители ценили не только труд и богатство, но и свободу. Они гордились тем, что основали свой поселок сами, без разрешения и помощи какого-либо государства или корпорации; потому Ущелье и имело статус свободного поселения. Здесь не привыкли слушаться начальства, ни земного, ни марсианского; не действовали многие запреты, которые выдумали чиновники в Вашингтоне, Страсбурге или Сентрал-Сити. Порядок в Ущелье подерживался, можно сказать, идеальный, пиратам сюда ходу не было, а в остальном каждый был волен ставить собственный купол на свободном участке и жить, как считает нужным.

Именно это и привлекло Петра Вакано в горняцкий поселок. Явившись в мэрию, он откровенно объяснил, что занимается научными исследованиями, связанными с перестройкой живого организма – исследованиями, которые на Земле запрещены. Его работа может помочь справиться с врожденными патологиями, излечить болезни, считавшиеся неизлечимыми; она также позволит наделить людей и животных новыми, необычными свойствами. На Земле ему этого делать не разрешили, поэтому он и бежал на Марс. Здесь, в Ущелье, он планирует открыть научный центр. Будет ли мэрия ему в этом препятствовать?

Мэр поселка Виктор Селин, крепкий сорокалетний зеленщик (владелец плантации, на которой выращивали хлореллу и большую часть потребляемых в Ущелье овощей), поскреб в затылке и ответил так:

– До сих пор таких поселенцев у нас не было. Научный центр! И, как я понял, ты собираешься в своем центре не просто пробирки переставлять, а совершать какие-то открытия?

– Да, таких работ не проводит больше никто на всей Земле, – сказал Вакано. – У меня уже сейчас на подходе несколько открытий мирового значения. Но ведь вы слышали, что я сказал: подобные работы на Земле запрещены. К тому же их осудил Всемирный совет церковей.

– Но у нас-то эти работы не запрещены, верно? – сказал мэр. – А что до церковей, то не их это дело – всякие опыты осуждать. Пусть возделывают свою делянку, в душах человеческих, поливают и пропалывают. Глядишь, и вырастет что путное. Оставайся, парень, ставь свой купол, проводи опыты. Может, прославишь наше Ущелье на всю Систему, туристы будут к нам ездить. А что, ты правда врожденные болезни лечить можешь?

Вакано приступил к работе немедленно. С того момента, как они с Громом вырвались из заблокированного здания института, а потом каким-то чудом смогли вылететь с Земли – вначале на Луну, встретиться с Вакановичем-старшим, а потом на Марс – им владело настойчивое желание скорее продолжить начатое. Материалом для опытов служили мыши и мухи, привезенные с Луны; позже ему удалось установить связь с поставщиками и получать новый

материал здесь, на Марсе. Кроме того, Петр продолжил опыты на Громе – он стремился наделять организм пса новыми свойствами.

С соседями доктор практически не общался – по работе это не требовалось, да и характер у него был нелюдимый (по крайней мере, он сам привык так думать). Кроме того, Марс – не Земля; здесь нельзя выйти вечером на лужайку, вдохнуть свежий воздух, перекинуться парой слов с соседом. Из-под купола здесь выходят только по делу, всегда в скафандре, соблюдая все меры предосторожности. Под открытым небом человек здесь дальше от природы, чем у себя в куполе, среди газонов и цветочных клумб. Каждое утро Вакано находил в тамбуре пакет с продуктами: молоко, фрукты, пищевые смеси, мясо для Грома; а оставленный им пакет с мусором исчезал. Несколько раз он получал приглашения принять участие в жизни поселка: вначале его пригласили на выборы новых членов поселкового совета, а потом пару раз – помочь в расчистке дороге, заваленной обломками скал после небольших колебаний почвы. Петр не хотел отгораживаться от людей и на предложения откликнулся. Правда, в поселке он никого не знал и на выборах голосовал наугад, да и при разборе завала принес не слишком много пользы; однако соседи его вклад оценили, и при встрече (а встречи вне купола здесь иногда все же случались) приветственно махали ему руками. Ему даже стали присылать приглашения на собрания трех местных церквей (католической, лютеранской и Общества Космического Разума), на театральные представления и танцы в общественном центре; но это было уже слишком, он от всего отказался.

Так прошел месяц, и доктор думал, что так будет и дальше; всегда. Однако он ошибся.

Однажды в почте он обнаружил письмо. Девушка, которую звали Марта Воронцова, просила разрешения посетить его купол, чтобы своими глазами увидеть, а если разрешат, и потрогать живую собаку. «Понимаете, я родилась здесь, на Марсе, – объясняла Марта, – и никогда не видела существа крупнее кошки. Кошки здесь есть у некоторых – вот у нас, например, – а собак нет. На видео они мне так нравятся! Очень хочется увидеть вблизи. Вы разрешите? Напишите, если можно, и я зайду со своей подругой. Мы отнимем у вас совсем немного времени».

Петр просмотрел послание дважды. Это был первый случай, когда девушка просила его о встрече. Правда, она хотела видеть не его, а Грома; правдой было и то, что Марта Воронцова ему не слишком понравилась. Хотя она записывала свое обращение сидя, все равно можно было догадаться, что она высокая, выше его. Вакано знал, что из-за малой силы тяжести дети, рожденные на Марсе, вырастают очень высокими – если не принять мер, то выше двух метров. Как видно, родители Марты таких мер не принимали. Она была высокая и не слишком красивая: близко посаженные глаза, острый подбородок. Нет, это была не та девушка, о которой он мечтал. Но было что-то в звуках голоса, в манере говорить... И потом – первый случай, когда девушка... Он дал согласие.

В назначенный вечер в его купол вошли две молодые особы. Одна привлекательная, кареглазая, хорошо сложенная – Жанна, другая высокая, угловатая, нескладная – Марта. С Громом вопрос приема гостей был согласован заранее. Пес против визита не возражал; как понял Вакано, ему это было даже интересно. Нерешенным оставался только вопрос поглаживания; его решено было пока отложить.

Поскольку Гром был объявлен главной целью визита, он был размещен на ковре в центре гостиной, люди уселись вокруг. Хотя доктор не скрывал, что его спутник не является обычной собакой, что он, в частности, умеет разговаривать, до сих пор никто в поселке не имел возможности в этом убедиться. Теперь же Гром смог продемонстрировать свое умение. Он ответил на вопросы, нравится ли ему на Марсе («Нет. Негде бегать. Не пахнет. Нет ничего живого»), не скучно ли ему здесь («Нет. Мы работаем. Я помогаю»), и ряд других. Потом беседа естественным образом коснулась той самой работы, в которой Гром, по его утверждению, помогал доктору. Вакано рассказал о своем открытии, возможностях, которые оно дает.

Уже спустя несколько минут доктор перестал ощущать какую-либо скованность; он беседовал с гостями, словно со старыми друзьями (которых, надо сказать, у него до сей поры практически не было). А еще он перестал замечать черты, портящие облик Марты. Спроси его кто-нибудь в эту минуту: какая из двоих красивее? – он бы, не задумываясь, назвал дочь старателей Воронцовых. Ведь из этих двоих она была самой живой, самой умной, самой обаятельной. Да что там из двоих! Она была лучшей девушкой во всем поселке, на Марсе, а может, и во всей Системе. Ну, разве только пара-тройка признанных звезд экрана могла бы составить ей конкуренцию, но их не было в поселке Ущелье. Кроме того, Петр Вакано ясно понял, что Марта немного лукавила, называя Грома целью своего визита; цель была другая.

Чай был выпит, пирожные съедены, темы беседы исчерпаны; гости стали прощаться. И тут пес, последний час проведенный в молчании, вдруг снова напряг нижнюю челюсть и произнес:

– Разве гладить не будут? Хотели гладить.

Он еще не успел договорить, а Марта уже стояла на коленях рядом с ним, и гладила черную курчавую шерсть, и ласково глядела в глаза.

С того дня Петр Вакано и Марта Воронцова стали встречаться. Иногда у него в куполе, иногда снаружи. Оказалось, что на Марсе все-таки можно совершать прогулки; долгие прогулки. Только время надо правильное выбрать. Лучше всего подходил вечер, когда маленькое холодное солнце опускалось за скалы, и горизонт окрашивался в нежные лимонные и сиреневые тона. Это длилось недолго – атмосфера была сильно разрежена, и темнело быстро. Зато потом высыпали звезды, каких не увидишь на Земле; можно было долго ходить, разглядывая созвездия, и беседовать. О чем они только не переговорили за время этих прогулок! Прошло несколько дней, и Петр знал Марту лучше, чем знал кого-либо в своей жизни; и хотелось узнавать еще, и еще беседовать. Правда, во время марсианских прогулок нельзя было ни обняться толком, ни тем более поцеловать девушку, и они перенесли свои встречи под купол. Гром деликатно удалялся в лабораторию, им никто не мешал. Так они стали мужем и женой. Вакано нанес визит родителям Марты, и они договорились о свадьбе.

Как уже говорилось, Петр с момента их первой встречи перестал замечать физические недостатки своей избранницы; для него они просто не существовали. Но для нее они оставались. И некрасивое лицо, и плоская грудь, и другие детали женской фигуры, на которые в первую очередь обращают внимание мужчины, и которые так ценят у себя сами дамы – все это ее мучило. Не то чтобы она боялась утратить привлекательность в глазах Петра, боялась, что разлюбит – нет. Но у нее было обостренное чувство красоты, она любила окружать себя красивыми вещами, растениями (у них под куполом был настоящий цветник). Собственную невзрачность она воспринимала как наказание за неизвестные ей грехи, и чувствовала себя виноватой.

Сама Марта не любила говорить на эту тему, и Петр долго ни о чем не догадывался. Об этой занозе, отравлявшей ее существование, он узнал случайно, когда затронул другую, столь же мучительную для Марты тему. Когда был назначен день свадьбы, и молодые стали строить планы на будущее, Вакано заявил, что хочет совершить с молодой женой свадебное путешествие.

– План будет такой, – рассуждал он. – Сначала Европа, это непременно. Италия, Франция, Англия. Каналы Венеции, улочки Рима, Елисейские поля... Потом Америка с ее водопадами. А еще Япония, Китай... Ну, и, конечно, моя Новая Зеландия. Там удивительные горы, пещеры, озера. Самое красивое на Земле место! За один месяц мы, конечно, всего не осмотрим, но хотя бы самое главное...

– Как красиво ты говоришь! Но прошу тебя, не надо, – сказала Марта.

– Почему?

– Разве ты не знаешь? Мне нельзя покинуть Марс. Кости слишком хрупкие, привыкли к пониженной тяжести. И сердце тоже. Никто из тех, кто были рождены в первые годы, не может летать. Это сейчас научились держать младенцев в гравикамерах, укреплять скелет. А мы – нас примерно полторы сотни – обречены.

Она помолчала, потом добавила:

– Думаешь, я не мечтала? Горы, моря, улочки Рима... Видео не заменяет присутствия. И никогда не заменит. На экране я была почти везде. Ладно, не будем больше об этом. Как идут твои опыты?

– Отлично, – ответил он, и замолчал.

Скрипел под ногами промерзший песок, тлел лимонный закат – ледяной опостылевший пейзаж, на который она была обречена. Как он мог забыть? Он ведь знал об этой особенности «детей Марса», но почему-то не применял ее к Марте. И понятно, почему: для него она не входила ни в какую группу, не поддавалась статистике, она была отдельно, совсем особенная.

– Я тебя вылечу, – глухо произнес он.

– Как?

– Так же, как научил Грома говорить. А сейчас учу держать предметы и лазить по вертикальной лестнице. С помощью моей плазмы.

– А разве... разве это возможно? Скелет? Сердце?

– Все возможно.

– А лицо? Грудь? Фигура?

– Все, – повторил он. – Но...

– Что, милый?

– Ты изменишься. Гром тоже не остался такой, как был. Я не знаю...

Она поняла.

– Не знаешь, будешь ли меня узнавать? Будешь ли любить? Мне кажется – да. Мне кажется, это не зависит от формы носа. Ведь я останусь твоей Мартой. И я буду любить тебя по-прежнему – о, как я буду тебя любить!

В ее глазах все ярче горел огонь надежды. Она вновь заговорила.

– Я знаю, ты меня любишь и такой. Но я буду красивей, гораздо красивей! И сильнее. Я всегда мечтала стать сильной. И я смогу улететь отсюда. Мы сможем путешествовать. Неужели это возможно?

– Все возможно, – повторил он.

Несколько дней ушло на анализы и составление программы. Спустя неделю Марте была введена первая порция плазмы.

Они никому не говорили о своих планах. Но у мыслей есть свои пути; иногда они передаются другим без всяких волн и проводов. Спустя две недели после того, как началась перестройка организма Марты, вечером, в купол доктора позвонили. Лицо, возникшее на экране, показалось Вакано смутно знакомым – это был один из жителей поселка, щедушный и кособокий коротышка, кажется, китаец. Имени его доктор не знал.

– Добрый вечер, доктор, – сказал посетитель. – Я Чжан Ванли. Можно войти? У меня к вам серьезный разговор, который неудобно вести по телефону.

Первое, что подумал Вакано – что его в очередной раз хотят привлечь в одну из местных церквей. Или попросят участвовать в новой постановке поселкового театра. Какое еще «серьезное дело» может быть к нему у Чжана Ванли? Он открыл, досадуя на задержку и надеясь быстро с ней покончить.

Однако разговор с мастером по обслуживанию аппаратуры рудника (такую работу Чжан выполнял в поселке) затянулся. Затянулся настолько, что Вакано пришлось вернуться в лабораторию и перевести работу аппаратов по обогащению плазмы в автоматический режим, а потом позвонить Марте и сказать, что он немного задержится.

Началось с того, что Чжан осторожно спросил, правда ли то, что он слышал: что доктор Вакано проводит работы, которые позволяют полностью перестроить живой организм и наделить его новыми свойствами? Петр ответил, что сведения правдивы, однако методика не до конца отработана.

– Но ведь ваш пес, – сказал Чжан и скосил глаза на Грома, – ведь он, как я слышал, говорит?

– Да, говорит, – отвечал Вакано.

– И рассуждает? Он разумен?

– Да, я считаю, что Гром разумен. Но к чему эти вопросы? Вы кинолог? Или защитник животных?

– Нет, доктор, вы меня неправильно поняли, – сказал Чжан Ванли. – Я люблю животных, но я пришел говорить не о них. Я пришел говорить о себе. Я хотел бы, чтобы вы перестроили меня, как перестроили вашего пса.

– Перестроил? В каком смысле? Наделить вас большим разумом, что есть у вас сейчас, я вряд ли смогу.

– Речь не о разуме. Хотя думаю, что вы слишком скромны, и после ваших опытов разум тоже разовьется, следуя за телом. Я хочу получить новое тело. Хочу жить без протезов, без пластика в позвоночнике, без страха. Я хочу жить, понимаете, доктор? Я еще молод, а моя жизнь, в сущности, кончена. Я обречен до самой смерти находиться на Марсе, выполняя несложную работу, не требующую значительных усилий.

– Так у вас протезы... – догадался Вакано. – То-то я вижу...

– Я работал на линиях Фобос – Марс и Фобос – Европа, обслуживал сервомеханизмы. Нам дали корабль, вышедший из ремонта. Ремонт был сделан некачественно. Произошла авария, частичная разгерметизация корпуса. Куски разорванной обшивки отрезали мне обе ноги, расплющили грудь. Потом, когда автомат начал заделывать пробоину, меня залило пеной-герметиком, и она, затвердев, сломала позвоночник. Врачи потом сказали, что мне еще повезло: пена могла выжечь глаза. Мне выплатили все, что причиталось по закону, сделали протезы. Я могу жить, кажется, даже могу иметь детей. Но я не хочу так жить. Хочу стать сильным, сильнее обычных людей. Не бояться излучения, вакуума, больших ускорений.

– Зачем? – спросил Вакано. – Вернуться к работе в космосе – это я понимаю. Но вы хотите не просто вернуться. Вы хотите стать пруву. И я спрашиваю – зачем? Чтобы быть пиратом?

Чжан покачал головой.

– Нет. Пират – убийца, бандит. Я хочу стать воином. Не хочу служить ни правительству, ни какой-то компании. Хватит с меня компаний. Хочу жить в отдаленных мирах, мирах Края. Служить людям, защищать поселки от зверей и пиратов. Разве в этом желании есть что-то недостойное?

– Нет, недостойного тут нет ничего, – сказал Вакано. – Но я ведь говорил: методика не отработана, и я пока не использую свою плазму на людях.

– Разве? А Марта?

– Что Марта?

– Марта Воронцова бывает у нас на руднике. В том числе и в аппаратной, где я работаю. Она высадила у нас цветы и ухаживает за ними; она везде, где может, сажает цветы. Я знаю – она слабая, как я, с трудом поднимает один горшок. Но в последние дни стало иначе. Я заметил, что Марта теперь может поднять целый ящик с горшками. А еще она выпрямилась. Все время ходила согнувшись, а теперь вдруг выпрямилась. И лицо у нее изменилось. И я подумал, что это связано с вами.

– Вы ошиблись, – сказал Вакано. – Не знаю, что вам там показалось, но...

– Вы опять неправильно меня поняли, доктор, – сказал Чжан Ванли. – Я не собираюсь вам угрожать, шантажировать. Вы скажете «нет» – и я повернусь и уйду. И никогда не напомним вам

о нашем разговоре. Но почему надо сказать «нет»? Ведь вам нужно отрабатывать методику. Вам нужны добровольцы. Я доброволец.

– Да, но... это процедура очень долгая, иногда болезненная... И я повторяю – я точно не знаю, какие будут последствия...

– Я не боюсь боли, – ответил Чжан. – И времени тоже не боюсь. Нельзя жалеть времени, проведенного в пути. Если есть Путь – время не важно. «Дорога в тысячу ли начинается с одного шага», – сказал мудрец. И еще он сказал: «Побеждает тот, у кого больше выдержки». У меня достаточно выдержки.

Глава 5. Решение

– Итак, я вижу, все в сборе, – сказал Мартин Брокелен, оглядев зал. – В основном все. Двое коллег, к сожалению, опаздывают, у них забарахлила автоматика. Но ждать мы уже не будем. Если никто не возражает, я предлагаю...

– Минуточку! – прервал его Варгас. Ему с самого начала не нравилась вся эта затея, и он еще на Земле решил нарушить план председателя Галактического совета. Что идея внеочередного заседания, причем не на Земле, в штаб-квартире Галактической комиссии и самого Совета, а здесь, на Луне-Главной, принадлежит Брокелену, он не сомневался. Ему, кому же еще? Председатель и его единомышленники давно вынашивают планы поменять обычаи, сложившиеся за последние сто лет.

– Минуточку! Прежде чем мы начнем заседание, мне хотелось бы узнать, почему мы собрались именно здесь, а не в Лондоне? И почему нельзя было дождаться очередного заседания – ведь оно должно пройти через три месяца?

– Да, мне тоже это интересно, – поддержала его Жаклин Лара, представлявшая интересы Марса. – Вам не кажется, уважаемый сенатор, что здесь, мягко говоря, не слишком удобно?

Она повернула голову направо, потом налево, словно приглашая всех оценить окружающее убожество. Да, конференц-зал Луны-Главной явно не отвечал масштабу такого мероприятия, как заседание Галактического совета. Когда-то здесь проходили пресс-конференции, посвященные началу освоения Марса, заседания астрономов и ракетчиков. Но с тех пор прошло более ста лет. Потертые кресла скрипели, угрожая развалиться; система синхронного перевода барахлила, порой выдавая вместо фраз неразборчивое бормотание; экран, на котором демонстрировались графики и фотографии, сопровождавшие выступления, выдавал изображение с полуминутной задержкой – словно его передавали не с устройства, стоявшего здесь же, в зале, а откуда-то с Земли. Вдобавок техники так и не смогли наладить кондиционеры, и в зале стояла жара. Заседание еще не началось, а члены Совета уже обливались потом и завидовали своим помощникам, экспертам и немногим приглашенным журналистам – поскольку те не уместились в зале, их разместили в двух соседних комнатах, а там, как рассказывали, кондиционеры работали нормально.

– Почему мы должны терпеть эти неудобства? – продолжала представительница Марса. – И почему нам не раздали тезисы доклада и проекты основных документов, которые мы должны принять?

– Хорошо, я отвечу, уважаемая госпожа Лара, – произнес Брокелен, вставая. Его длинное, покрытое веснушками лицо от жары почему-то не покраснело, а делалось еще блее, бледно-голубые глаза смотрели твердо; председатель Совета не выглядел ни растерянным, ни смущенным; он был готов отстаивать свою правоту. – Я отвечу вам, и господину Варгасу, и всем остальным. Мы собрались здесь, а не на Земле, чтобы ощутить дыхание проблемы, которую нам необходимо решить. Ощутить ее привкус. Вот она, эта проблема!

И Мартин Брокелен повел рукой вверх, к прозрачному куполу зала. Там, за толстым слоем армированного стекла, не уступавшего по прочности стали, горели созвездия. Они были словно толпа слушателей, пришедших узнать, о чем здесь говорят.

– Я бы перенес наше заседание еще дальше – на Цереру, или Европу, или на один из наших кораблей, – продолжил Брокелен. – Чтобы вы ощутили, чтобы мы все ощутили остроту вопроса. А внеочередным наше заседание является потому, что вопрос этот назрел. Он назрел уже давно, но в последнее время положение стало совершенно нетерпимым. Впрочем, обо всем этом я собирался говорить в своем докладе. Так, может, мы начнем?

На этот раз никто возражать не стал. Председатель Совета выложил на попирт увесистую папку с докладом, включил экран и заговорил.

Он говорил о пиратах – прежде всего о пиратах. Их существование и раньше было вызовом мировому сообществу, глумлением над мечтами тысяч людей, искавших дорогу к звездам; но в последнее время деятельность космических разбойников приобрела невиданную наглость и размах. Нападения на корабли, как грузовые, так и пассажирские, происходят все чаще; за последний год зафиксировано восемь случаев. Чашу его терпения как председателя Совета переполнил последний эпизод, когда пиратский бот атаковал десантный корабль «Париж»; военные с трудом смогли отбить это нападение. Мало этого: пираты перенесли свою деятельность за пределы Системы и стали устраивать нападения на планеты Края. Захват обогатительной фабрики на Сирене и похищение готового к отправке груза... Нападение на лабораторию по приготовлению сыворотки на Аресе... Захват поселка колонистов на Семеле; мужчины были перебиты, женщины обращены в рабство... Похищение миллиардера Лимберга, совершавшего туристическую поездку по планетам Края... И этот перечень – далеко не полный. Появилось и кое-что новенькое. Полгода назад пираты захватили груз воды – айсберг, направлявшийся с Европы на Марс. Захватили – и через ворота № 7 угнали захваченный груз на Край. Куда он делся, неизвестно; айсберг пропал, словно его корова языком слизала.

– Мы предполагаем, что бандиты создали на одной из планет Края собственное поселение, – пояснила Ребекка Блум, председатель комитета по освоению Края. – Но где именно, не знаем.

– Да, у них, по всей видимости, уже имеется собственная база, – кивнул Брокелен. – И, возможно, не одна. И там налажено какое-то производство, для которого понадобилось большое количество воды. Что за производство – опять-таки неизвестно. Но на этот счет имеются кое-какие предположения. О них вам расскажет директор Института биомоделирования госпожа Сонг. Прошу, миссис Сонг.

Директор института Луиза Сонг вышла на авансцену. Трудно было определить возраст этой улыбчивой женщины с глазами, черными и холодными, как агат – агат из глубокой пещеры, куда никогда не заглядывает солнце.

– Вы знаете, что в нашем институте проводятся работы по борьбе с неизлечимыми наследственными заболеваниями, – заговорила директор. – Одним из важных направлений является создание искусственной плазмы крови, наделенной необходимыми свойствами. Полгода назад один из моих сотрудников, доктор Петр Вакано, создал плазму, которая позволяла не только подавлять развитие злокачественных опухолей и вызывать регенерацию утраченных органов, но и давала возможность полностью перестраивать организм человека или животного. В ходе экспериментов доктор Вакано развил лобовые доли мозга своего пса, а также смог так изменить его гортань, что собака получила возможность говорить.

– Собака – говорить? – послышался удивленный голос.

– Да, этот его Гром говорил – я сама в этом убедилась, посетив лабораторию. И доктор Вакано не собирался останавливаться на этом; он намеревался провести серию опытов уже на людях, начав с себя, надеясь добиться появления у *homo sapiens* новых свойств.

– И что же? Ему это удалось? – спросили из зала.

– Не знаю, – ответила госпожа Сонг. – Надеюсь, что нет. Когда Петр Вакано доложил мне о достигнутых им успехах – впечатляющих, надо сказать, успехах, – и попросил разрешения на продолжение работ, я ответила решительным отказом. Думаю, вы понимаете мотивы, которыми я руководствовалась. Полагаю, что любой из членов Совета поступил бы так же. Мы не можем допустить, чтобы рядом с обычными людьми появились другие люди; существа, наделенные способностью видеть невидимое, слышать неслышимое, обходиться без пищи и воды – или, наоборот, жить в воде, или в разреженных слоях атмосферы, почти в вакууме... Я не хочу продолжать перечисление нечеловеческих возможностей тех существ, которые могут появиться благодаря использованию плазмы доктора Вакано. Полагаю, членам Совета и так ясно, что они будут иметь мало общего с людьми. Можно сказать, почти ничего общего. И не

только в сфере физиологии, в области метаболизма. Говоря «ничего общего», я имею в виду прежде всего область психики. Мотивацию, систему ценностей.

– Почему вы так думаете? – спросила Жаклин Лара.

– Видите ли, принято считать, что потребности формируют возможности, образ жизни – форму тела. Но верно и обратное. Нечеловеческие способности создадут у «людей Вакано» потребности и стремления, не свойственные людям. Например, потребность в абсолютной власти, в господстве над Вселенной. Или потребность в убийстве, пролитии крови ради самого процесса.

– Ну, эти стремления людям как раз свойственны, – негромко заметил человек, имени которого Варгас не помнил; кажется, он представлял ученых. – Во всяком случае, некоторым людям.

– Да, отклонения случаются. Но тут важен вот какой момент. Люди, подвергшиеся перделке в лаборатории Вакано, получают те свойства, которые закажут сами. Или которые вложит в них их создатель. Я не знаю, что за люди воспользуются «плазмой Вакано». Подозреваю – сильно подозреваю! – что этих людей нельзя будет найти в списках лучших выпускников колледжей и университетов, или в числе лауреатов премии «Помоги ближнему». Подозреваю, что это будут совсем другие люди. Что же касается самого Петра Вакано, то это человек одержимый, неуживчивый, маниакально настроенный и абсолютно лишенный каких-либо тормозов.

– Однако я не вижу здесь причин для особой тревоги, – раздался голос Натальи Вайнхорн, представлявшей в Совете Конфедерацию. – Вы говорите об этих «людях Вакано» как о чем-то совершенно новом. Между тем, насколько я понимаю, речь идет о так называемых прувии, или «улучшенных». А они нам достаточно хорошо известны, и до сих пор особых проблем не создавали.

– Вы ошибаетесь, – ответила Луиза Сонг. – Я говорю вовсе не о прувии. Они нам и правда хорошо известны – или мы полагаем, что хорошо. «Улучшенные» – это результат небольших, сравнительно простых изменений, не слишком глубокого, точечного вторжения в обменные процессы человека. «Улучшенных» немного, и они имеют ряд природных ограничителей, которые их создателям не удалось преодолеть. Например, короткий срок жизни. А Вакано создает нечто совершенно другое. Я бы назвала создаваемые им существа не «улучшенными», а *superior* – «высшими», или же «превосходными». По аналогии с прувии их можно назвать «супи»... Это будут настоящие монстры, которых мы не сможем остановить. А Вакано может поставить их создание на конвейер. Производить супи десятками. Это может кардинально изменить всю ситуацию в космосе.

– Но почему вы все время говорите о деятельности вашего подчиненного как о чем-то происходящем в данный момент? – спросил кто-то. – Ведь вы сказали, что запретили эти опыты? Я не ошибаюсь?

– Нет, вы не ошибаетесь, – ответила миссис Сонг, – я действительно запретила все опыты в этом направлении. Я планировала поставить дальнейшую работу доктора Вакано под строгий контроль. Однако случилось непредвиденное. На следующее утро после нашего разговора доктор сбежал вместе со своим псом. Сбежал, устроив в институте пожар, выведя из строя систему безопасности... И где он сейчас – неизвестно. Руководство института обращалось в полицию, но Вакано не смогли найти нигде. У меня есть опасения, что он сблизился с одной из пиратских шаяк и нашел у них поддержку. Сильнейшие опасения! Если быть до конца честной, я убеждена, что так и случилось. Думаю, что пираты помогли доктору создать лабораторию на одной из планет Края. Возможно, это ему потребовалась вода для проведения опытов. Для работ по биотехнологическому моделированию всегда требуется много воды. А это означает одно: Вакано надо найти и остановить!

– Я так понимаю, что вы убедили нашего председателя провести полицейскую операцию, чтобы найти Вакано? – спросила Жаклин Лара. – Верно? Но зачем тогда собирать Совет? Обратитесь к полиции, к военным, наконец. . .

Луиза Сонг чуть заметно пожала плечами, выражая свое отношение к такому вопросу. Она готова была на него ответить, но Брокелен остановил ее:

– Спасибо, доктор Сонг. На этот вопрос отвечу я. Да, мы собираемся провести операцию. И не только для того, чтобы найти Вакано. Необходимо провести полную проверку всех поселений за пределами Земли. Там живут сотни, а может, и тысячи людей, сообщивших о себе ложные сведения, либо не сообщивших ничего. Там могут находиться люди, совершившие преступления на Земле и скрывающиеся от закона. Наверняка там имеются базы, где пираты оборудуют и чинят свои корабли. И так далее, и так далее. Да, все это можно выяснить и пресечь в ходе масштабной полицейской операции, для которой не нужна санкция Галактического Совета. Но я считаю – все руководство Совета считает – что нам надо принять еще ряд мер. И эти меры – уже ваша компетенция.

Он остановился, словно ожидая вопроса. И вопрос последовал.

– Что же это за меры, председатель? – спросил Варгас. – Не томите, расскажите нам.

– Сейчас. Первая, и самая очевидная – основать возле всех Ворот наши базы. Они должны выполнять прежде всего диспетчерские функции, то есть соблюдать очередность прохождения Ворот в обоих направлениях. А кроме того, они будут контролировать суда, собирающиеся попасть в дальний космос. И у нас уже не будет того, что пираты шастают в Край и обратно, словно лис в свою нору. Просто удивительно, что мы до сих пор не создали никаких пунктов контроля. Надеюсь, что представителя Края не будут возражать против такой меры?

– Думаю. . . – сказал Варгас, быстро взглянув в сторону Хона Отикве, второго делегата Края в Совете, и поймав его взгляд, – думаю, что не будут. Это все?

– Не совсем. Нам надо изменить саму процедуру прохождения судов в дальний космос, а также процедуру создания новых поселений. До сих пор за пределы Земли отправлялись все, кто пожелает. Действовал уведомительный принцип исследования и освоения космоса, как ближнего, так и дальнего. Мы считаем, что этот принцип себя изжил. Он привел нас к полной утрате контроля над всем, что происходит за пределами Земли. Настало время вернуть этот контроль. Мы предлагаем Совету принять решение о том, что отныне для основания нового поселения – на Марсе, Европе, Церере, либо же на планетах Края – надо будет иметь разрешение Галактической комиссии. И для прохождения Ворот – тоже.

Мартин Брокелен сел. И тут же, словно подброшенная пружиной, вскочила представительница Марса.

– Так вот чего вы хотите! – вскричала Жаклин Лара. – Вот для чего страшали нас пиратами и страшным доктором-злодеем! Вы хотите зажать развитие Системы и Края в тиски! Задушить их в своих казенных объятиях! Но учтите – у вас ничего не выйдет. Люди этого не потерпят. Вы хотите навести порядок – а получите всеобщее возмущение, хаос, бунт!

– Да, мы хотим навести порядок! – отвечала ей Ребекка Блум. – Хотим установить за пределами Земли такую же власть закона, какая царит и на нашей родной планете. Именно эта власть закона – власть разума, если хотите – обеспечила все успехи нашей цивилизации. Именно она позволила людям выйти в космос. Отрицать всякий контроль, как делаете вы – значит возвращаться в эпоху дикости. Зачем, во имя чего?

Варгас и Лара одновременно поднялись со своих мест, чтобы ответить председателю комитета. Однако их опередили.

– Позвольте мне сказать, – послышался голос известного философа Максима Путинцева. – Мне есть что ответить уважаемой госпоже Блум, и госпоже Сонг, и нашему вдвойне уважаемому председателю. Вы напрасно представляете поселенцев Марса и планет Края людьми, лишенными тормозов, врагами любого порядка. Да и этот доктор Вакано, возможно, не такой

уж злодей, как можно подумать. Речь идет лишь о разном понимании порядка, о равновесии между свободой и безопасностью, между рекой жизни и берегами, в которых она течет. Госпожа Лара, господин Варгас и их единомышленники опасаются, что предлагаемые вами меры полностью остановят развитие Края, что стремление к полному контролю является такой же манией, как присущая пиратам кровожадность. Учтите, что полный порядок возможен лишь на кладбище...

– Хорошо, мы учтем это, господин Путинцев, – сказал Брокелен. – А сейчас я хотел бы перейти к делу и предложить вашему вниманию текст решения, которое должен принять Совет. Вот он, этот текст, на ваших экранах. Давайте примем его за основу, а затем будем обсуждать возможные поправки. Никто не возражает?

Глава 6. Известие

Да, деление произошло! Или не произошло? Черт, все расплывается!

Петр Вакано оторвался от микроскопа и протер слезящиеся глаза. При этом он с удивлением обнаружил, что в лаборатории темно, хоть глаз выколи. Это что же, уже ночь? Сколько же он просидел, не отрываясь от окуляров – три часа, четыре? Да нет, какие четыре – получается, что все шесть. Надо заканчивать. А то можно без глаз остаться. Да и позвоночник побаливает. Будет обидно превратиться в калеку в тот момент, когда твои подопечные делают такие успехи.

Петр развернулся вместе со стулом, встал... И испытал сильнейший шок: он почувствовал, что наступил на что-то мягкое. Это нечто резко рванулось, выбралось из-под ноги, так что доктор чуть не упал. Из темноты раздался знакомый отрывистый голос:

– Не надо на меня вставать.

– А, это ты! – с облегчением произнес Вакано.

– Да, я. Ты закончил? Это хорошо, клянусь Небом! Я думал, ты никогда не закончишь.

– Это ты у Чжана набрался? – сказал Вакано. – У него, у кого же еще. «Клянусь Небом!»

А вчера ты высказался насчет мужей силы. Вижу, ветер с востока в твоей голове одолевает ветер с запада. Гулять пойдем, или ну его?

– Как это «ну его»? Обязательно пойдем. Мы с Чжаном договорились побегать по скалам.

А ты зайдешь за Мартой.

– За Мартой?

– Ты что, забыл? Она у родителей, просила, чтобы ты зашел, когда закончишь, проводил домой.

– Черт, верно, совсем забыл!

– Стой! Ты сейчас наступишь на этот прибор, что привезли вчера. Нет, правее тоже нельзя, здесь реостат. Лучше я включу свет.

– Да, включи, пожалуйста, – согласился Вакано.

Вспыхнули лампы, осветив тесно заставленное приборами, опутанное проводами помещение лаборатории. Кое-где оборудование стояло в два этажа – места не хватало. Лавируя между столами, доктор добрался до выхода, надел шлем и толкнул дверь шлюза.

Гром, как всегда, выскочил первым.

– Я побежал, – сообщил он. – Чжан, наверно, уже ждет.

И, не дожидаясь ответа, скрылся в темноте. Петр Вакано только вздохнул. Пес все больше отдалялся от него, все больше времени проводил с Ванли. Оно и понятно: они оба были «улучшенными», оба отличались от существ своего вида. И с каждым днем эти отличия становились заметнее. Благодаря перестройке дыхательных систем оба научились обходиться без шлемов. Это дало им свободу передвижения, недостижимую ни для кого на Марсе. Они подолгу гуляли – иногда порознь, но чаще вместе. Возвращаясь, они рассказывали о местах, где не был еще никто из жителей поселка. Так, они исследовали все отроги ущелья, прошли их отвесные склоны – и в ходе этих прогулок (вернее, пробежек) обнаружили два выхода вольфрама, о которых в поселке никто не знал. После этого открытия Чжан Ванли и Гром стали пользоваться в поселке большим уважением. И хотя припозднившиеся жители, встретив ночью огромную фигуру, бегущую по ледяной, почти лишенной воздуха пустыне без шлема, вообще без всякой защиты, все еще шарахались в испуге – спустя секунду, узнав китайца, они улыбались и с уважением приветствовали бегуна.

Да, Чжан стал настоящим великаном. За четыре месяца, прошедших с момента введения ему первой порции плазмы, он неузнаваемо изменился. Щуплый коротышка с поврежденным позвоночником, с трудом передвигавшийся от купола к куполу, превратился в гиганта ростом 212 сантиметров, гибкого, как пантера, с молниеносной реакцией, стальными мускулами, ост-

рым зрением и чутким слухом. «Знаете, доктор, у меня такое впечатление, – как-то сказал он, – такое впечатление, что я научился видеть невидимое и слышать неслышимое». «Ну, прямо-таки неслышимое, – скептически ответил Вакано. – Ты, конечно, преувеличиваешь». «Нет, правда, – настаивал Чжан. – Ведь я слышу глайдер за десять километров – а ведь он движется очень тихо. Но я имею в виду даже не зрение и слух. У меня развилась... развилось... шестое чувство, что ли?»

Появление у его подопечного сверхчувственных способностей не входило в план перестройки его организма, и Вакано в ответ на заявление Чжана мог только пожать плечами. Но в целом он мог быть довольным проделанной работой. Ведь огромный рост (а Чжан мог стать еще выше; расчеты показывали, что его рост мог достичь 230-240 сантиметров), сила, обострившиеся чувства были лишь видимой частью произошедших изменений. Гораздо серьезнее были перемены невидимые. Ванли стал невосприимчив к жесткому излучению, к боли, к различным раздражителям. Он воспринимал их, как информацию, но они не мешали ему действовать, выполнять различные задания, которые давал ему Вакано. Речь шла не только о преодолении разного рода препятствий. Удушающий газ, слепящий свет, боль не мешали «улучшенному» решать уравнения, разрабатывать программы, собирать оборудование в комплекс.

Но что больше всего радовало Вакано – что все эти огромные перемены в физическом облике его пациента (правда, сам Чжан предпочитал слово «ученик», а доктора именовал словом creator – создатель; подобное богохульство вызывало у Вакано протест), полученные сказочные возможности почти не отразились на его духовном складе. Внутренне Чжан остался таким же, каким три месяца назад вошел в купол своего создателя – скромным, наблюдательным человеком с обостренным чувством достоинства. Это подтверждало предположения Вакано о том, что переделка организма человека не приведет к катастрофическому изменению его личности, слову психики.

Правда, среди перемен, случившихся с Чжаном Ванли, были и нежелательные. За силу и гибкость, слух и зрение, за «шестое чувство», как и за другие достижения, приходилось платить. У Чжана сел голос, стал сиплым, свистящим. Изменился цвет кожи – она приобрела медный оттенок. А еще, как по секрету признался Чжан доктору, он совсем перестал интересоваться женщинами. Эти изменения не были запланированы, они появились сами по себе, и стали для Вакано неприятной неожиданностью. Видимо, это была обратная сторона произошедших в организме пациента изменений – какие-то процессы были сцеплены очень жестко, один не шел без другого.

Петр опасался, что нечто подобное случится и с Мартой, и каждое утро с тревогой вглядывался в лицо жены, прислушивался к ее голосу – не зазвучит ли из ее уст тот зловещий не то свист, не то шепот, которым теперь изъяснялся Ванли? Но ничего подобного не происходило. Наоборот: голос у Марты Вакано стал звонче, сильнее, и она, прежде тихая, как мышка, стала все чаще напевать за работой. «Давно уж нет мечтаний, сердцу милых...», пела она, готовя компост; «И сказала я ему, господину моему...», напевала, сажая цветы – новые, только что выведенные ею цветы. Весь купол семьи Вакано уже был наполнен цветами и благоухал, словно сад весной – весь, кроме лаборатории и операционной, где было царство приборов. То и дело в их купол заходили жительницы поселка – взять у Марты саженцы новых цветов. А еще у нее просили рецепты изобретенных ею салатов, кексов, супов, еще каких-то новых блюд – Марта придумывала их каждый день. Рецепты, фасоны платьев, рисунки на шлемах и стеклах глайдеров – идеи лезли из нее, как тесто из квашни. В самое последнее время обычных придумок ей стало мало: Марта задумалась над чем-то большим. Посреди обычных дел – поливая цветы, или стоя за разделочной доской – она вдруг застывала, устремив глаза в одну точку, и что-то нашептывала, пока крик возмущенной печки не возвращал ее к реальности. «Понимаешь, – призналась она как-то мужу, – мне кажется, что я должна создать что-то совсем новое». «Какое-то соединение орхидеи с мать-и-мачехой? – уточнил Петр. – Или дуб, осыпан-

ный розами?» «Дуб, на котором растут розы? Это ничего, я подумаю. Но я говорю о другом. О чем-то совсем новом, чего еще нет в мире, и что изменит... многое изменит. Конечно, не так, как твоя плазма, но все же...» На этом беседа обычно прерывалась: зачарованный красотой Марты, Петр начинал целовать жену. Да, Марта стала настоящей красавицей. К счастью, она не выросла (она и так была выше мужа), но стала чуть полнее. Глаза немного увеличились, губы стали упругими, кожа... ямочки на щеках... Да что говорить: Петр Вакано не мог налюбоваться своей женой.

...Размышляя таким образом, доктор дошел до купола родителей Марты. Дверь, узнав друга дома, сама открылась при его приближении. Петр вошел, и его окутал дразнящий аромат, от которого рот наполнился слюной.

– Что это? – спросил он у жены, выскочивший в прихожую.

– А, это я приготовила новый салат, – отвечала Марта. – Ничего вроде получилось, правда? Ты чего так долго? Я тебя жду, жду... Ты же знаешь – мне без тебя гулять скучно. И потом, мне надо тебе сказать...

– Все, сейчас пойдем. Вот только родителей поприветствую – и пойдем, – сказал Вакано. – А что ты хотела сказать?

Спустя несколько минут, когда они не спеша шли по заброшенной дороге, ведущей в старый карьер (их любимое место прогулок), Петр объяснил жене причину своего опоздания: появилась новая работа, причем срочная – прислали свои подробные заявки, а с ними базовые данные будущие пациенты. Надо было эти заявки проанализировать, выработать методику создания нового вида плазмы для каждого случая. Большое, кропотливое дело.

– Значит, у нас и правда будут пациенты... А сколько их?

– Двое. Один, как я понял, вроде Чжана. Калека, причем от рождения. Зовут Дэвид Рискин. Заявка вполне стандартная – хочет стать здоровым, сильным... работать в космосе... в общем, ничего сложного. Правда, в заявке есть приписка, что после окончания основного цикла пациент может высказать дополнительные пожелания. Ладно, увидим, что там за пожелания. Вряд ли что-то особенное. Да и с девушкой, я думаю, проблем не будет.

– О, у нас появится девушка?

– Да, зовут Наташа. Ты что, ревнуешь? Слушай, я же биотехнолог. У меня должны быть пациенты, и среди них наверняка будет много девушек. Может целая очередь выстроиться.

– Нет-нет, я вовсе не...

– Я, честно говоря, даже удивлен, что пока только одна заявка. Мне передавали, что слух о твоём чудесном преображении распространился по всему Марсу, во всех поселках об этом говорят. И не только по Марсу, но и по Системе. Между прочим, эта Наташа не отсюда – с Земли. И она уже перечислила на мой счет сорок тысяч долларов. Я, наконец, смог оплатить счет за электричество. А то так неудобно было...

– Дорогой, я очень рада, что мы получили деньги. И я несколько не ревную. Даже не думаю, честно. Это я просто так сказала. А деньги нам и правда нужны. И скоро еще больше понадобится.

– Вот как? Почему?

– Я хотела тебе сказать... Я маме с папой уже сказала, для того и ходила сегодня.

– Что сказать?

– У нас будет ребенок.

Вакано остановился, как вкопанный; во все глаза глядел на жену. Он был ошеломлен. Мелькали мысли о неудобствах, неизбежных хлопотах... Но главным чувством была радость, огромная радость. Он бережно обнял Марту. Как мешал сейчас комбинезон, забрало шлема!

– Это здорово... здорово! Но... как же наши планы? Поездка? Знаешь, ведь я уже связался с агентством в Риме – я хочу начать именно с Рима...

– Поездку мы не отменим ни в коем случае! Зачем отменять? Ведь все только в самом начале. И я прекрасно себя чувствую. Но я вижу другое препятствие – как же твои пациенты? Ведь начальный цикл длится полгода, не меньше...

– Да, но есть перерывы. Первый месяц после введения плазмы мое присутствие обязательно: постоянный контроль за состоянием пациента, коррекция доз, возможное вмешательство. Потом две недели пауза – помнишь? Ты еще тогда беспокоилась, говорила, что ничего не происходит. На самом деле в этот период происходят важные изменения в работе внутренних органов. В это время мое присутствие не так нужно.

– Но две недели – это же очень мало! Три недели только на полет к Земле! А само путешествие? А дорога обратно?

– Послушай меня. Я уже думал обо всем этом. После паузы начинается второй этап. Нужно вводить новую порцию плазмы. Но, как показывает имеющийся опыт – черт, извини, что я говорю, словно на конференции, никак не отучусь, – как показал твой опыт, и Чжана, и еще Грома – на втором этапе особых проблем не возникает. По крайней мере, пока не возникло. Так что эти три месяца пациенты могут обойтись без меня. А мы с тобой можем заказывать билеты и бронировать номера в отелях.

– Как это – без тебя? А кто же будет вводить плазму? Следить за состоянием пациента? Да просто рядом стоять?

– Кто? Чжан, конечно.

– Чжан?

Марта остановилась, с удивлением уставилась на мужа.

– А он что – может?

– Представь себе, да. Он с самого начала интересовался, все время спрашивал, что я делаю, для чего, какие проблемы решаю. Потом попросил у меня что-нибудь почитать, я дал несколько работ попроще. Он прочитал, попросил другие... В общем, сейчас он может делать анализы, замеры, вводить плазму... многое может.

Полная удивления, Марта покачала головой; они пошли дальше. Вдруг она снова повернулась к мужу.

– А ты не боишься? Ведь твое открытие не запатентовано. Ты сам говорил – тебе не дали. А что, если...

Она не договорила, но это и не требовалось – Петр все понял. Стоял, смотрел куда-то вбок. Потом поднял глаза на Марту и сказал:

– Нет, не боюсь. Я доверяю Чжану. Хочу доверять. И потом... С того момента, как я бежал из института, все пошло настолько не по правилам, что... Я уже не думаю о патентах, о статьях. И что же мне теперь – бояться каждого, кто наблюдает за моей работой? Кто заходит в лабораторию? А ведь мне нужен помощник. С тех пор, как Чжан подключился к работе, мне стало значительно легче. И я уже начал думать, что буду делать, когда он уйдет.

– Но разве он должен уйти?

– Конечно. Ведь он хотел стать кем-то вроде частного охранника, защитника отдаленных поселений. Его цикл уже почти завершен, как и твой. Скоро он нас покинет. Мне его будет не хватать. И Грому, кстати, тоже.

– Я верю, что ты что-нибудь придумаешь. Даже так: знаю, твердо знаю, что все будет хорошо, – сказала Марта.

На следующий день в поселок Ущелье прибыла Наташа Суарес. Она была из Бразилии. Это была склонная к полноте девушка с кожей землистого оттенка, с маленькими, близко посаженными глазами; волосы у нее были похожи на паклю. В общем, у нее были все данные, чтобы до конца жизни остаться одинокой. Наташа не хотела остаться одинокой. О лаборатории Вакано она узнала от подруги, вернувшейся с Марса. Деньги, те самые сорок тысяч, получила, продав дом и все имущество.

Через два дня прибыл и Дэвид Рискин. Он, как и Наташа, был с Земли, из Штатов. Ему было тридцать три года, он был биржевым брокером, достаточно обеспеченным человеком. Но деньги не принесли ему счастья. Ходил он с трудом, припадая на правую ногу. Скрюченные, прижатые к груди руки едва могли удержать компьютерную мышь. Говорил тоже не быстро, язык не слушался. Все это были последствия незалеченного детского паралича – родители, вечно занятые выяснением своих запутанных отношений, не слишком много времени уделяли не слишком желанному ребенку. О существовании лаборатории он услышал от знакомого в Нью-Йорке, а адрес Вакано узнал уже здесь, на Марсе.

Введение плазмы, первый этап перделки организма он переносил очень тяжело. То ли организм так реагировал на искусственную кровь, то ли Дэвид Рискин просто не умел терпеть. Во всяком случае, его крики разносились по всему куполу; Марта уходила к родителям, а Гром слонялся по пустыне. Вакано тоже не мог спокойно работать. Один Чжан оставался невозмутимым. «Просто он очень слабый, – объяснял он доктору. – Везде слабый – не только тело, но и дух. А хочет стать сильным. Это трудно. Это не тело кричит – дух корчится. Так будет еще какое-то время. Пять дней, десять дней. Потом он или сдастся, уедет, и деньги назад потребует – или останется. И уже не будет кричать».

Рискин остался. На двенадцатый день после введения плазмы крики прекратились, на пятнадцатый пациент стал ходить – прямо, уверенно. Руки распрямлялись медленнее, но распрямлялись. Когда изменения стали очевидными, Дэвид проникся к доктору Вакано глубоким уважением, слушал каждое его слово, как какое-то откровение.

С Наташей все было проще. Она менялась именно в том направлении, как было запланировано, превращаясь пусть и не в красавицу, но в симпатичную, полную жизни и очарования девушку. Когда боль, терзавшая ее в первые дни, утихла, Наташа начала петь. Так они и проводили дни: Дэвид гулял – вначале по куполу, а затем и по пустыне, – Наташа пела. «Сердце радуется, на них глядя», – говорила Марта. Петр был с ней согласен.

Они стали готовиться к отъезду. Петр заказал билеты на шаттл, забронировал номер в римском отеле. Договорился с Чжаном, дал ему подробные инструкции. Китаец не только не возражал против того, что на него возложат заботы о двух пациентах, но даже был этому рад.

Правда, Петру и Марте пришлось задержаться еще на несколько дней: пришли еще три заявки, две от девушек, одна от молодого парня, и надо было обработать полученные данные, составить свой вид плазмы, свою программу перестройки для каждого случая. Петр отодвинул дату вылета и принялся за работу. До отъезда оставалось три дня, потом два...

«Ничего, два дня – не срок, – размышлял доктор, сидя за компьютером и внося полученные данные в программу будущих пациентов. – Завтра уже можно паковать чемоданы. А там – космодром, старт... Интересно, как Марта его перенесет? Отлично должна перенести – у нее все физические показатели, как у космонавта».

... Тот вечер, последний перед отъездом, супруги задумали как праздничный. Марта приготовила какое-то новое блюдо из куропатки, Наташа добавила салат, сделанный по бабушкиному рецепту. Дэвид чуть раньше вернулся с прогулки и помогал накрывать на стол. Ждали Петра – он заканчивал составление команд – и Чжана, который вместе с Громом бегал по пустыне. Их тренировка должна была продлиться еще двадцать минут, и Ванли никогда ее не сокращал. Поэтому все удивились, когда дверь шлюза вдруг открылась, впуская великана и его четвероногого спутника.

– Как хорошо, что ты уже вернулся! – обрадовалась Марта. – Давай мой руки, и к столу.

– Сейчас, – ответил Чжан. – Только поговорю с учителем. Это недолго.

И скрылся в лаборатории.

Прошло пять минут, потом десять, пятнадцать... Куропатка остывала на столе, Дэвид, который в последнее время ел почти непрерывно, проявлял нетерпение. Марта решила узнать,

в чем дело, и направилась к лаборатории, но тут доктор и его пациент наконец вышли и молча сели за стол. Ужин начался.

Откусив несколько кусков куропатки, Чжан сообщил, что в жизни не ел ничего вкуснее; что касается салата, то он тоже вполне хорош. Дэвид, подметая содержимое своей тарелки, согласно кивал головой, Наташа заявила, что обязательно попросит у Марты рецепт. И только доктор ел молча, и было заметно, что мысли его витают где-то далеко.

– Что с тобой? – спросила Марта. – Что-то не получается? Снова задержка?

Вакано отодвинул тарелку с недоеденной куропаткой, взглянул на жену, тяжело вздохнул и произнес:

– Нет. Хуже. Гораздо хуже. Чжан принес плохие новости.

Сказал – и взглянул на китайца, словно эстафету передал. Ванли чуть наклонил голову и произнес:

– Я встретил знакомого – мы вместе работали на Фобосе. А ему сказал его знакомый, который служит в Галактическом патруле. Он сказал, что готовится облава. Тотальная проверка всех, живущих вне Земли. Будут искать прежде всего пиратов и тех, кто им помогает. Но отдельным пунктом в их ориентировках значится некий доктор Вакано.

– Но почему? – удивилась Наташа. – Какое отношение мы имеем к пиратам?

– Никакого, – ответил доктор. – Но директор института, где я работал, считала иначе. Она запретила мне закончить опыты и запатентовать открытие. Сказала, что с помощью моей плазмы будут выращивать монстров, убийц. Поэтому я работаю здесь, в Ущелье, а не в Сиднее или Фриско. Теперь Галактическая комиссия решила перекрыть и эту возможность. Лабораторию закроют, а меня... меня, наверно, будут судить.

– Но за что? – Наташа все еще не могла понять.

– Как за что? За вас четверых.

– И за меня тоже, – раздался сдавленный голос из угла.

– Да, и за тебя. Это будет полная катастрофа. Я не знаю, что делать.

– Я уже говорил учителю, но он не услышал, – сказал Чжан. – Надо срочно собраться, и бежать. Далеко, где не найдут. На Край.

– Я услышал. Но это ничего не даст. Край далеко, но ведь ты сам передал мне слова твоего знакомого. Они собираются прочесать и Край. Перетряхнуть все поселения, словно старый мешок. Мы не спрячемся. Лабораторию нельзя создать где-нибудь в пустыне, далеко от людей. Нужно электричество, нужна связь, время от времени необходимо заказывать новое оборудование... Где я найду место, где все это имеется, и куда, однако, не сунет свой нос Галактическая комиссия? Нет такого.

В столовой воцарилось молчание. Наташа открыла было рот, чтобы сказать об Амазонии, о глухих местах на границе с Перу, но вспомнила недавнюю информацию о развитии туризма, и не сказала ничего.

Молчание нарушил пронзительный голос Дэвида Рискина:

– Кажется, я знаю такое место. Это очень странное место, и Комиссия туда точно не проникнет. Вы когда-нибудь слышали о планете Нефела?

Глава 7. Облачная страна

В октябре 121 года корабль «Лазарев», пройдя через только что открытые Ворота № 7, обнаружил в районе выхода две звезды. Одна – голубой гигант, получивший имя U811, и вторая – красный карлик, названный Glise965, а позже получивший имя Гера. С Земли обе звезды не наблюдались. Оба светила имели планетные системы, но людей, естественно, в первую очередь заинтересовала звезда солнечного типа.

Геру окружали шесть планет, и вторая из них сразу привлекла внимание астронавтов. «Лазарев» приблизился к только что открытому небесному телу, еще не имевшему имени, и экипаж приступил к исследованиям. Первые же полученные данные вызвали на борту взрыв энтузиазма; люди поздравляли друг друга с удачей, глаза у всех горели. Еще бы! Из всех данных следовало, что им повезло открыть еще одну планету, похожую на Землю, пригодную для освоения – такую же, как ранее открытые Арес, Семела и Никта. Общее настроение выразил второй штурман, воскликнувший: «Да ведь это Земля, братцы! Ну, почти Земля...»

Это было, конечно, преувеличение. Да, вторая планета Геры походила на Землю по основным параметрам. У нее имелась твердая кора, тяготение чуть меньше земного, температура у поверхности, наоборот, чуть выше, собственное магнитное поле. Главное – у планеты была атмосфера, очень похожая на земную; это значило, что на ней можно дышать. Но имелись и важные отличия. Прежде всего – с водой. Ее на планете было крайне мало. Суша занимала свыше 70 процентов поверхности, и большую часть этой суши занимали горы и пустынные плоскогорья. Мало рек, еще меньше озер; в результате и растительность довольно скудная.

Другим важным отличием планеты были облака. Казалось бы, при малом водном зеркала и облаков должно быть немного. Однако они имелись в большом количестве, гораздо больше, чем выходило по расчетам, и закрывали около трети поверхности. Было установлено, что состоят они в основном не из водного пара, как на Земле, а из мельчайших частиц песка. Эти облака имели высокую плотность и отличались фантастическим разнообразием форм и цветов. Чаще всего встречались тучи, похожие на гигантские, высотой в три-четыре километра, горы, плывущие над землей. Это были горы сиреневого, лилового, реже пурпурного цвета, в них чернели отверстия пещер, провалы ущелий, а вершины были покрыты чем-то вроде ледяных шапок. Кроме гор, были еще «башни», «мосты», «дирижабли» – тут уже вступало в действие воображение пилотов, во время вахты наблюдавших за планетой и пораженных тем, что они видели.

Облака были столь яркой, буквально бросающейся в глаза частью облика планеты, что уже на второй день космонавты стали в разговорах именовать ее «Облачной страной». Название быстро прижилось и вошло в судовые документы. Позже, уже после возвращения «Лазарева» в Систему, кто-то из членов Галактической комиссии предложил иное название – Нефела, в честь греческой богини туч. На практике использовались оба имени.

Проведя на орбите две недели, командир корабля принял решение выслать на планету посадочный модуль. На этом настаивали прежде всего ученые, входившие в состав экспедиции. Им не терпелось получить пробы воды из рек и океанов Нефелы, образцы растений, провести бурение почвы, радиационную и геологическую разведку.

Модуль с командой из двух человек (пилот Андрей Гриневиц, исследователь Саша Хейле) совершил посадку в западном полушарии планеты, на расположенном там огромном материке. Посадка прошла штатно. Как и предполагалось, воздух Нефелы оказался пригодным для дыхания, радиация отсутствовала, поэтому космонавты осуществили выход на поверхность без скафандров, в комбинезонах и легких масках – для защиты от вирусов. Они собрали пробы грунта, а также образцы встреченных ими растений. Одни из этих растений походили на мох, другие напоминали траву. В расщелине скалы Хейле нашел стебелек нежно-лазоре-

вого цвета; он был включен в каталоги под названием «цветок Хейле». Удалось также поймать несколько мелких существ, летавших над этой травой и ползавших по ней; видимо, это были здешние насекомые. Таким образом, были получены образцы жизни Облачной страны. Каких-либо существ крупнее насекомых – птиц или зверей – разведчики не обнаружили.

Открытых источников воды – рек или озер – вблизи от места посадки не было. Тогда разведчики поднялись в гору и в расщелине скал обнаружили небольшой запас льда. Полученная из него вода оказалась жесткой, но пригодной для питья.

Пилот Гриневич на флаере добрался до океана – он находился в двух километрах от места посадки. Вода в океане оказалась мутной, совершенно непрозрачной. Анализ показал, что она содержит большое количество солей и отличается повышенной плотностью. Однако это не помешало развитию различных форм жизни. Запущенный пилотом автоматический батискаф собрал коллекцию водорослей, поймал несколько ракообразных, а его камеры засняли существа, похожие на рыб, и другие существа, не похожие ни на что.

Команда модуля рассчитывала пробыть на планете сутки. Однако это время пришлось сократить, поскольку вскоре после высадки над местом приземления стали собираться тучи; они были настолько плотными, что создали помехи для радиосвязи, и спустя два часа она полностью прекратилась. Кроме того, тучи пропускали мало света, и ночь в районе высадки наступила раньше, чем рассчитывали люди. Усилился ветер, его порывы доходили до 40, даже 50 метров в секунду. В этих условиях разведчики приняли решение прекратить работу и взлететь.

В следующие дни были осуществлены еще четыре высадки в разных районах планеты. Космонавты получили новые образцы почвы, речной и океанской воды, растений и живых существ, провели многочисленные исследования. В частности, было проведено бурение на глубину до ста метров и даже осуществлен небольшой взрыв для изучения строения коры планеты.

Находясь на земле Нефелы, под ее зеленоватым небом, люди лучше познакомились и с облачным слоем, давшим планете ее имя. Надо сказать, что снизу, с земли, тучи Облачного края выглядели еще более удивительным явлением, чем с орбиты. Здесь совсем не было тех легких, полупрозрачных облаков, что так часто можно видеть на Земле. Все тучи Нефелы имели четкую форму, которая не менялась в течение нескольких дней. Основание туч, их, так сказать, днище, почти всегда было плоское, напоминая днище гигантского планетохода; от этого основания вверх, на высоту два-три километра, уходила бугристая, словно вылепленная из глины стена. Кроме образований, замеченных с орбиты – «башен», «мостов» и «дирижаблей», – были отмечены еще полтора десятка форм. Тут были «пирамиды» – как обычные, так и перевернутые, – «шлемы», «линзы» и даже «черепа».

Специалисты по изучению атмосферы старались выявить закономерности, управлявшие воздушными потоками планеты, чтобы научиться предсказывать ураганы. Правда, в этом они не слишком преуспели – предсказать ухудшение погоды никак не удавалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.